

Евгений Клевцов

ДИВЕРС

КНИГА ПЕРВАЯ

Три тени, возникшие на подступах к городу, три тени, от которых жителей бросает в дрожь, три тени, которые пришли на зов... Их миссия им под стать — она темна и запутана, от нее пахнет страхом, смертью и нарушенными обетами. Не ошибся ли город, призвав их к себе на помощь? Не ошиблись ли тени, придя на зов города, где каждый взгляд, обращенный к ним, пропитан ненавистью, недоверием и презрением?

Редактору, соавтору и помощнице.

Ты сделала этот мир живым.

Все мужчины — шпайнце. Это как маленький ребенок, или слабый на голову взрослый — ничего плохого, вроде бы не хочет, а получается все вкривь и вкось. Мама не зря постоянно повторяет это. Конечно, когда отец ее не слышит. Потому что ему, наверное, было бы обидно об этом узнать — ведь он же ни в чем не виноват. Просто уж так повелось: родился мужчиной — смирись. Будешь пытаться доказать обратное — только бед натворишь. И придется тогда женщине, вздохнув, все исправлять.

Потихоньку вздохнув, Тельга подвигала бровями, потому что кусок мешковины, которым ей завязали глаза горе-проводаты, смотреть не мешал, но лицо натирал порядком. Почесать бы, но руки заняты — идущие рядом держат под локти, чтобы не упала. Сами бы не споткнулись в темноте.

— Диверт давно остался позади. Сейчас ты идешь по темной дороге, среди лесных зарослей. Вокруг в кустах светятся глаза диких тварей и только присутствие воинов Братства не дает им растерзать тебя...

Чей это там гнусавый голос? А, это жирный Вольц, сын пекаря. Научился бы нос вытирать, воин. Идет позади, сопит и шумно втягивает содержимое обратно в ноздри. Фу, сколько же можно — уже четверть часа слушать эти мерзкие звуки, прерываемые какой-нибудь очередной возвышенной ерундой, пока водят кругами по сенному двору. А вот, кажется, остановились. Ну, наконец-то!

Впереди скрипнули петли.

— Кого вы привели сюда, в наше тайное убежище, храбрые войны?

Это Гонцель. Его мать доит коров и отправляет молоко в Аверд. А еще она печет вкуснейшие булочки, мягкие и... ну вот, живот заурчал. Вспомнилось же некстати. Лучше слушать, что там у них происходит. Вон, Вольц снова швыркнул носом и вышел вперед.

— Хранитель врат, мы привели Тельгу, она желает присоединиться к нам!

— А доказала ли она свою преданность, принесла Братству дары?

— Да, Хранитель!

Еще бы не доказала — две горсти леденцов отсыпала, что отец купил в Хейране. Самой, между прочим, не досталось ни одного — все сожрали, стервятники.

— А доказала ли она свою готовность помогать непосвященным, исполнив перед ними благую песнь?

— Да, Хранитель!

«Тельга, почему ты плачешь? — спросил отец, когда она затянула перед ним весьма заунывный мотив со словами, которые нельзя произносить разборчиво, чтобы непосвященным ушам не открылись высшие тайны. — Дочка, у тебя живот болит? Или зуб ноет?» И целый день потом косился еще.

— А доказала ли она свою смелость, не убоявшись Чодов, приходящих в ночи?

Стоп, а это что еще такое?! Договорились же — две горсти леденцов вместо одной — и никаких чодов! Хотя, Вольц, кажется и сам в недоумении.

— Гонцель, ты чего? — в голосе жирдяя пропала всякая торжественность. — Она же маленькая еще! Как она на Болотах — то останется на ночь? Решили же: пусть конфет больше принесет — и хватит.

— Да я-то что? — через мешковину на глазах было видно, как стоящий перед воротами

сарая Гонцель разводит руками. — Мне Пфаль сейчас сказал — ритуал соблюдать полностью.

Ах вот оно, в чем дело... Пфаль, значит, сказал.

Пфаль, сынок тарна — главы Диверта, девятилетний малявка, придумавший это самое Братство и сам себя выбравший его главой во-первых за благородство происхождения, а во-вторых — за то, что кухарка тарна всегда готова была угостить «братьев», торчащих вблизи кухни.

Вчера вечером он прислал Шномца, своего старшего брата, носившего вполне заслуженное прозвище «Носолом» и исполняющего при нем роль телохранителя. Шномц, смущенно появившись и с трудом подбирая слова, изложил личное требование братца: в благодарность за прием в Братство, Тельга должна будет прилюдно омыть ему ноги. Можно прямо в сапогах.

Вообще-то Шномц славный малый, перешагнувший недавно порог своего двенадцатилетия, и очень уважаемый всеми, кто его знает не только за свои широкие плечи и тяжелые кулаки, но и за здравость суждений. Но есть у него слабость — он считает, что его долг как старшего сына в семье, всегда и во всем заступаться за младшего брата. Даже тогда, когда считает, что он не прав.

— Понимаешь, Тельга, — говорил он, смущенно вертя в руках сорванную травинку, и избегая смотреть на опешившую от такого предложения, — он же все равно не уймется. Лучше раз сделать, как он просит — проще будет. А то он ведь может, что и похуже придумать, я-то его знаю. Ты же понимаешь — это просто игра...

Пользуясь тем, что на вечерней улице не было никого из взрослых, простыми словами, которые дети очень часто употребляют в разговорах между собой и не решаются произносить при родителях, Тельга объяснила Шномцу все, что имеет в мыслях по поводу его младшего брата и его самого, если он не может указать сопляку его место. Затем, развернувшись, она оставила его осмысливать сказанное. Честно говоря, она не думала, что после такого ей стоит думать о приеме, но сегодня к ней заявили представители Братства во главе с сопливым Вольцем, завязали глаза и повели на «посвящение». А Пфаль, выходит, вот что задумал.

— Если она слишком мала, для того, чтобы вступить в наши ряды — что мешает ей отказаться? — донеслось из закрытого сарая.

Створа ворот открылась, явив окружающим довольного Пфаля с горящим факелом в руке. Он нацепил на себя длинный для него старый застиранный плащ — вероятно вытащил отцовский из каких-нибудь сундуков. За спиной у него, как и положено верному телохранителю, маячил Шномц

Увидев огонь среди тюков с сеном, Тельга, забыв о церемонии (которая, судя по всему, и так пошла совсем не так как было задумано), сдернула с лица повязку.

— Эй, Пфаль! — Вольц, родителям которого и принадлежал сарай, увидев огонь, выпучил глаза. — Ты зачем факел-то зажег, шпайнце?! Сено кругом!

Малолетка посмотрел на него, изобразив на лице гордость и презрение. Затем он ткнул факелом вниз. Как всем показалось — в ближайшую связку. Но не успел никто перепугаться — раздалось шипение.

Оставив факел в скрытом за копной ведре с водой, Пфаль не спеша вышел на улицу. Вольц свирепо запыхтев, шагнул было к нему, но Шномц так на него посмотрел, что толстяк дальше остался пыхтеть, стоя на месте.

Не удостоив его взглядом, Пфаль подошел к Тельге.

— Ты проявила смелость и сдержанность, которых не хватает многим из наших братьев, — сказал он, глядя на нее снизу вверх. — Ты также достойно прошла то испытание, которому я тебя вчера подверг.

Тельга, которая уже вдохнула побольше воздуха, чтобы после короткой обличающей речи вцепиться в жидкие волосы на голове тарнова сына, придержала руку.

— Такие как ты всегда нужны нам в Братстве защитников Диверта.

Он повернулся к Вольцу и укоризненно покачал головой:

— А вот ты, брат, повел себя малодушно.

Вольц шумно швыркнул носом.

— Значит, вы принимаете меня? — недоверчиво спросила Тельга.

— Хранитель врат, считаешь ли ты, что Тельга может стать одной из нас? — обратился Пфаль к Гонцелю.

— Хранитель врат не возражает, — кивнул тот.

— А вы, братья, приведшие ее сюда, — этот вопрос предназначался провожатым — братьям близнецам, недавно вместе с родителями перебравшимся в город, — считаете ли ее достойной быть с нами?

— Считаем! — одновременно, как умеют только близнецы, ответили братья.

Пфаль повернулся к Вольцу и окинул его презрительным взглядом

— Я бы спросил и тебя, но не буду. Ты нарушил наши законы, возвысив голос на Главу Братства. Поэтому твое мнение меня не интересует. Хотя, если оно отлично от остальных, можешь высказать его.

— Нет, — угрюмо ответил Вольц, — не отлично.

— Ну что же, — Пфаль повернулся к Тельге, широко улыбнулся. — Тогда, наверное, я должен сказать: «Добро пожаловать, сестра»?

Но не успела Тельга вздохнуть с облегчением и улыбнуться в ответ, как улыбка с его лица исчезла

— Но я этого не скажу.

Он указал на повязку, которую она держала в руке:

— Ты нарушила ритуал посвящения. Это неприемлемо.

Тельга почувствовала, что ее словно головой окунули в таз, где мама собирает трбуху, когда чистит рыбу.

— Пфаль... — начал Гонцель, но, осекся, — То есть, я хотел сказать, уважаемый Глава, неужели из-за такой мелочи...

— Ритуал приема в Братство — не мелочь! — отрезал малолетка. — И Хранитель врат должен это понимать как никто другой!

— Но она исполнила все, что от нее требовалось!

— Да ты что? «Все»? И даже провела ночь на Болотах?

Тут подал голос Вольц

— Пфаль, — тихо сказал он, — ну какие болота, очнись. Ей же десять лет всего.

— А мне — девять! — голос Пфаля сорвался почти на визг — Ты слышал?! Мне — девять лет! И вместе с тобой я переночевал на этих болотах! Мы не испугались приходящих из них чодов!

— Пфаль...

— Или ты хочешь сказать, что это было не так?! — серые глаза выжидающе

прищурились. — Так давай, говори смело...

На несколько секунд повисла пауза. Потом Вольц опустил голову.

— Нет, не хочу, — буркнул он.

— Тогда слушайте все мое решение! — объявил Пфаль. — Тельга, за то, что ты нарушила ритуал приема в Братство, ты должна будешь доказать нам, что достойна присоединиться к нам, пройдя испытание храбрости! Переночуй в Болотах — и я первый скажу тебе «Добро пожаловать!». Вольц, можешь отправляться вместе с ней. Будешь защищать ее, как велит наш долг, и этим искупишь свое сегодняшнее недостойное поведение! Я все сказал! Шномц, идем.

Гордо задрав нос, глава Братства покинул сенный двор, оставив всех стоять у раскрытых дверей сарая. Шномц поспешил за ним, махнув оставшимся на прощание рукой.

— Как вы его терпите? — поинтересовалась Тельга, когда вместе с Вольцем, Гонцелем и братьями они закрывали тяжелые ворота.

— Да он, в общем-то, ничего так... не плохой, — ответил Гонцель. — Ну, и отец у него — тарн. Опять же, Братство придумал он. Шномц тоже, чуть что — смотрит косо.

— И кормят у них дома всегда вкусно! — добавил один из братьев.

Когда все разошлись, Вольц вызвался проводить ее до дома. Хотя, что там было провожать — они и отошли-то всего шагов на пятьдесят.

— Послушай, Тельга, — спросил он, помявшись. — А оно тебе действительно так нужно — это наше Братство? Вот что ты в нем не видела?

— Может, я хочу Диверт защищать?

— А если без шуток?

— А если без шуток — то скучно тут. А у вас постоянно что-то происходит. Вон — ритуалы всякие. Я тоже хочу.

— Да уж, ритуалы... — пробормотал Вольц, так и не пояснив мысли до конца. — Ты действительно собралась ночевать на Болотах?

— А что? Боишься за меня?

— Я? Ну да, боюсь, конечно. Ты смотри — если решишь передумать... В общем, я могу всем сказать, что мы там были, а мы...

Тельга остановилась и пристально посмотрела на него.

— Это что, опять проверка, как с мытьем ног?

— Каких ног? — не понял Вольц. — Я говорю — если ты не хочешь...

— Так вот, слушай меня внимательно. Завтра после обеда я скажу маме, что иду ночевать к тетке на ферму, и пойду по дороге в сторону Болот. Ты догоняй. Дорога длинная — как раз к вечеру доберемся. Нечего мне тут устраивать проверки! — она топнула ногой. — И не нужно меня провожать! Сама дойду!

«Надо было его слушать! Слушать надо было и не спорить!» — стуча зубами, думала Тельга, пытаясь покрепче обхватить перемазанные грязью мокрые ноги с посиневшими от холода коленками. Одежда, пропитанная вонючей, перемешанной с глиной водой, противно липла к телу. В башмаках чавкала болотная жижа.

Но трястись ее заставлял не холод. И не утробные звуки, исходящие со дна болота, заставляли ее вздрагивать в ответ. И даже не непроницаемый туман, белым шевелящимся покрывалом висящий в воздухе, был причиной слез, без остановки катящихся по ее щекам. Широко раскрытыми глазами она искала в темноте горящие желтым светом глаза и смутные скользящие в тумане над самой водой хищные тени. Судорожно сглатывая, старалась задержать дыхание, чтобы убедиться, что не доносится до ее слуха глухое рычание или плеск воды, потревоженной когтистыми лапами.

До болот они с Вольцем добрались к самому закату. Алое солнце красило густую, стоящую между небольшими островками суши воду в черный цвет. Вокруг было спокойно — только болото иногда глухо ворчало где-то в своей глубине. Кое-где на островках виднелись иссохшие серые, словно покрытые вьевшейся пылью, мертвые деревья.

— Если ты все еще не передумала, то давай проберемся вон на тот островок, — Вольц указал на достаточно большой пятачок сухой земли, с наваленными сухими ветвями, который кое-где покрывала живая трава. — Из веток сложим костер.

— Давай, — согласилась Тельга. — И прекрати меня уже спрашивать, не передумала ли я! Не передумала и не передумаю, понял? Что я, хуже Пфаля что-ли?

Вольц вздохнул.

Осторожно перешагивая, а кое-где и перепрыгивая мутную тягучую воду, они добрались до места. Вольц раскрыл сумку, которую принес с собой и расстелил на земле свернутое вдвое теплое покрывало.

— Ночью укрыться, если станет холодно, — пояснил он.

Затем он развел небольшой костер. Солнце уже ушло и вокруг быстро темнело. Устроившись поудобнее у огня, Тельга приготовилась провести самую интересную ночь в своей жизни.

И, разумеется, мгновенно уснула.

Разбудил ее звук тихого ворчания.

— Вольц, это у тебя живот урчит? — пошутила она, потянулась, зевнула и открыла глаза.

Толстяк стоял рядом, и при взгляде на него у самой Тельги неприятно стиснуло внутри.

Лицо его было серым. Не бледным, даже не белым — оно было такого цвета, какого не бывает вообще у тех, кто еще жив. Губы тряслись, зубы громко стучали. Втянув голову в плечи, он выпученными глазами смотрел вперед, словно пытался что-то разглядеть в тумане. Зрачки глаз расширились настолько, что они казались черными. Волосы на голове стояли дыбом. Из-под них по лицу градом катились крупные капли. От мокрой на спине и подмышками рубашки несло потом.

— Вольц, что такое?

И тут из тумана послышался этот звук. Глухое, злобное ворчание раздалось совсем близко, буквально в нескольких шагах. Ужас подбросил Тельгу в воздух, сорвал с места. Из всех сил она вцепилась в Вольца, не обращая внимания на запах от рубашки. Тот тоже

обхватил ее мертвой хваткой. Обоих била дрожь.

— Вольц, это... Что это такое? Это чоды?

— Я... Я не знаю...

Вдруг и без того круглые от страха глаза мальчишки стали еще больше. Трясущейся рукой он указал вперед.

— Смотри!

Там, откуда донеслось рычание, в тумане вспыхнули несколько пар желтых точек. В ночной тишине слышалось хрипкое дыхание. Сквозь туман проступили неясные звериные силуэты.

— Чоды, приходящие в ночи... — сбивающимся голосом прошептал Вольц.

Плеснула вода, качнулись желтые огоньки. Звери из Болот двинулись вперед.

— Вольц, пожалуйста... Пожалуйста сделай что-нибудь, чтобы они ушли! — зашептала Тельга. — Ты же знаешь, что делать, ты тут был. Пфаль сказал, что...

Снова злобное рычание, раздавшееся из тумана. Язык от ужаса присох к небу, и фраза осталась незаконченной. Дети начали медленно отступать к краю островка.

— Тельга, — Вольц вдруг сжал ей руку. — Сейчас, когда я скажу — побежим. Мы рядом с дорогой, а Пфаль рассказывал, что из Болот Чоды не выходят.

— А они за нами не погонятся?

— А откуда я знаю-то?

Сделав еще один шаг, Тельга ощутила, как пятка ушла в воду. Вольц, судя по всему, тоже промочил ноги, потому что остановился. И так уже едва дрожащее пламя костра погасло. Теперь вокруг не было видно совсем ничего, лишь торчал неясный в тумане силуэт дерева.

И хрипкое дыхание, подкрадывающееся все ближе.

— Воооольц, — тихо захныкала Тельга.

— Приготовься, — прошептал Вольц. — Раз, два... Три!

Громко завизжав, Тельга сорвалась с места. Нога тут же ушла по щиколотку в грязь, но, даже не заметив этого, она оттолкнулась и перепрыгнула на соседний твердый участок земли. Вольц тяжело плюхнулся на живот рядом, не отпуская руки. Но тут же вскочил.

— Бежим!!! Не останавливайся!!!

Вой, хриплый лай, рычание — все это, перемешавшись в жуткий клубок звуков, ударило беглецам в спину. Не оборачиваясь, они перепрыгнули на следующий островок, затем на еще один, и еще.

И тут Вольц, промахнувшись, угодил ногой в болото.

Он тут же снова растянулся на земле, выпустив руку Тельги.

— Тельга!

Но та, ничего не слыша, уже скрылась в тумане.

Не разбирая пути, проваливаясь, спотыкаясь, царапая ноги о сухие кусты, падая лицом в мокрую грязь, Тельга неслась вперед, перепрыгивая через черную воду. Она уже даже не думала о Вольце — в ее голове вообще не было никаких мыслей — лишь дикий ужас, который словно хлыст, подстегивал, заставлял бежать со всех ног.

А потом она запнулась обо что-то и вытянулась на мокрой земле. И вдруг заметила, что единственный звук, который она слышит — это грохот ее собственного сердца. Прижав ладони к груди, стараясь успокоить сбивающееся дыхание, Тельга крутила головой, прислушиваясь. Но вокруг было тихо. Звери сгинули.

И тут ее накрыла новая волна ужаса. Вольц! Где Вольц?! Оглядевшись по сторонам, она не увидела ничего, кроме тумана. Прислушалась — и ничего не услышала.

— Вольц! — позвала она тихонько, дрожащим голосом, затем еще раз, уже громче — Вольц, где ты?! Вольц!

В ответ только глухо ухнуло болото. Плача и дрожа от страха и холода, Тельга отошла от кромки воды, села на мокрую землю и, подтянув ноги, обхватила колени руками. Иногда она тихонько звала Вольца, но на то, что он ей ответит, уже не надеялась. «Надо было его слушать! Слушать надо было, и не спорить!».

— Надо было его слушать... — послышался тихий шепот.

Тельга замерла. Сначала она подумала, что сама прошептала это вслух, но вдруг, совсем рядом услышала:

— Слушать надо было, и не спорить.

Наверное, если бы змеи умели говорить, их голос бы напоминал этот тихий, нежный шепот.

Туман, стелящийся по земле, потемнел, потерял прозрачность. В мгновение он сгустился, обрел формы силуэтов, тихо скользящих над водой. Тени медленно приближались, окружая островок полукругом. Их голоса напоминали непрекращающийся шелест опадающих листьев.

— Надо было его слушать...

— Надо слушать было...

— Чоды, приходящие в ночи..

— Мама... Мамочка...

— Не хочу умирать. Я хочу домой.

Уже ничего не понимая, Тельга вскочила, поскользнулась на мокрой земле, упала и поползла к кромке воды, перебирая руками и ногами, не отрывая взгляда от приближающихся шепчущих фигур, которых становилось все больше и больше. Она успела отползти всего на несколько шагов, когда ее ладонь потеряла опору, уйдя под воду. Жадная грязь тут же всосала ее и Тельга, потеряв равновесие, опрокинулась в болотную жижу.

Фигуры остановились. Тихо шепча, они колыхались в воздухе, словно ожидая — что произойдет дальше.

Ил и грязь сразу охватили Тельгу со всех сторон, мягко потянули вниз. Больше от страха, чем что-либо соображая, она рывком освободила руку и смогла рвануться вверх. Ее голова показалась над водой и она широко раскрыла рот, пытаясь вдохнуть. Но снова потянуло вниз — теперь в дно погружались ноги. И чем сильнее Тельга пыталась высвободить их — тем крепче они увязали.

Размахивая руками, она зацепилась за что-то твердое. Это был корень, торчащий из соседнего островка. Обеими руками девочка ухватилась за него. Подтянувшись, она почти смогла вытащить обе ноги из ловушки. Еще разок подтянуться — и болото отпустит! А потом, держась за корень можно выбраться на землю и бежать. Бежать, не останавливаясь!

И тут она снова услышала рычание. Тихо зашуршала мертвая трава. Тельга подняла голову и шарахнулась назад, едва не выпустив из рук корень — прямо перед ней на том самом берегу, в котором она видела свое спасение, вспыхнули четыре пары желтых глаз.

Теперь звери болот были так близко, что она ясно видела голую кожу, ошметками вокруг светящихся глаз. Оголенные пасти со свисающими меж желтых зубов обрывками языков, истекали слюной. Покрытые коростой передние лапы с изъеденными когтями, царапали

берег. Жуткий смрад распространился вокруг, и Тельга едва сдержала приступ тошноты.

Хрипло дыша, звери стояли на месте, не делая вперед ни шагу. Шепот за спиной стал громче. Мельком посмотрев назад, Тельга увидела, что темные фигуры двинулись вперед. Заметив ее движение, звери снова глухо зарычали.

Чувствуя, как все глубже погружается в тягучую жижу и понимая, что бежать некуда, Тельга изо всех сил закричала.

То, что произошло дальше, она осознавала смутно, словно в тяжелом сне. Сначала два зверя практически одновременно, взвизгнув, дернули головами и завалились на бок. Оставшиеся двое, забыв о кричащей в болоте жертве, резко развернулись, ощерив пасти. Но в этот момент, откуда-то сверху, взметнув по земле вихрем белый туман, прямо между ними упала черная тень. Новый участник событий действовал стремительно — одним ударом он с хрустом вогнал в отвратительные головы болотных тварей блеснувшие черным, клинки, пригвоздив их к земле.

Тельга потрясенно замолчала. Как раз вовремя, чтобы услышать, как тихий шепот, приближающихся сзади темных фигур, вдруг превратился в пронзительное шипение. Ухватившись покрепче за корень, она повернула голову.

Темные силуэты беспорядочно метались по острову, словно очень хотели убраться подальше, но не могли этого сделать. По одному и целыми группами они рассыпались, превращаясь в грязно-черную пыль, растворяющуюся в заметно редеем тумане.

Центром всего происходящего были двое, стоящие рядом в самом центре. Как и тот, кто был на берегу, они сливались с ночью чернотой своей одежды. И, как и он, похоже, хорошо знали, как следует поступать с ужасами Болот.

— Анэ! Энно лиде!

Тельга обернулась. Тот, кто расправился со зверями, уцепившись за тот же торчащий корень, тянул ей руку в черной перчатке. Ничего уже не соображая, от ужаса, она, напротив, не двигаясь с места, крепче вцепилась в склизкое дерево. Увидя это, неизвестный снова настойчиво повторил:

— Энно лиде!

Голос у него был молодым. Лицо было закрыто, но даже будучи насмерть перепуганной Тельга заметила, его необычные глаза — большие, с абсолютно черными зрачками.

— Кто вы такие?! — пронзительно закричала девочка.

— Кин, фэй гельде! — мелодичный женский голос явно принадлежал одной из двух закутанных в черное фигур, занимавшихся болотными тенями.

— Ты гельд? — в голосе незнакомца проскользнуло удивление, и он заговорил на нормальном языке: — Хватайся за руку! Не бойся, я хочу помочь!

Слова он произносил правильно, но с необычным мягким акцентом.

— Скорее! Тебя засасывает!

Чувствуя, что холодная вода действительно уже подобралась к самому подбородку, Тельга схватилась за протянутую руку. Незнакомец потянул ее из воды, но болото не спешило отпускать свою жертву.

— Хватайся второй рукой! Держись крепче, не бойся!

Медленно, очень медленно, ноги начали освобождаться из ила. Наконец, рывок — и Тельга почувствовала, как ее выбросило на твердую землю. И это было последнее, что она успела ощутить перед тем, как потеряла сознание.

— Тельга! Тельга ты меня слышишь?

Опять этот гнусавый голос. Мамочка, как же голова болит... И руки. И ноги. Все болит. Вольц, ну заткнись, пожалуйста.

Тельга с трудом приоткрыла глаза и прежде всего, увидела, что вокруг светло. Значит, ночь прошла и она все еще жива. Но до чего же плохо-то. И горло, кажется... Секунду... Вольц?!

Тельга уставилась на заслоняющую свет круглую физиономию. Без сомнения, толстяк был жив и, если не считать нескольких синяков и царапин — абсолютно цел.

— О, ты проснулась! — он радостно закивал, а затем, обернулся и громко закричал: — Эй, смотрите, она проснулась!

Тельга зажмурилась и застонала.

— Что ж ты так вопишь-то? — послышался чей-то спокойный голос, и на лоб легла прохладная ладонь. Затем она накрыла горячие веки. Это было приятно.

— Тебя зовут Тельга? — спросил тот же голос, — Ты меня слышишь? Понимаешь, что я говорю? Не отвечай, просто чуть кивни.

Хорошо, что отвечать не нужно — в горле словно костер разожгли. Тельга молча кивнула.

— Хорошо, — так же спокойно продолжил голос. — Сейчас тебе станет очень жарко. Потерпи и не двигайся — так нужно, чтобы тебе помочь.

Тельга еще раз кивнула и почувствовала, как от лежащей на глазах ладони по всему телу словно прошла раскаленная волна. Сердце громко застучало, воздух, который она судорожно выдохнула, был горячим.

— Все хорошо, потерпи немного.

Тельге показалось, что кровь в ее венах вскипела. Пульсируя внутри, она обжигала, колола пальцы рук и ног, словно она после ледяного ручья окунула их в кипяток. На несколько секунд стало трудно дышать.

И вдруг — все закончилось.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил ее голос.

С удивлением Тельга поняла, что чувствует себя... прекрасно. Не осталось ни боли, ни усталости. Она чувствовала себя так, словно провела ночь в собственной постели, а не чудом уцелела, спасаясь от чудовищ из Болот.

Ладонь, лежавшая на ее лице, исчезла. Тельга открыла глаза и увидела рядом с собой обладателя голоса. Тот выглядел крайне необычно.

Первым, что сразу бросалось в глаза, был цвет его кожи — она была темно-серой, с легким светлым отблеском на солнце, как будто она была присыпана пеплом, который остается от костра. Спадающие на лицо волосы, черные, словно горячий камень, который привозят с Севера, были вполне обычны, но вот глаза... Нет, они были очень даже ничего — большие, красивые и взгляд их был спокойным и внимательным. Но вот с их цветом точно было что-то не так. Они не просто были темными — таких глаз хватало и у обитателей Диверта — в них, казалось, чернеет и медленно пульсирует живая темнота.

— Тельга, — повторил незнакомец, — как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — невежливо, наверное, молча рассматривать того, кто ждет от тебя ответа

на вопрос. — Ничего больше не болит. А как вы это сделали?

— Это ты сама все сделала, — спокойно ответил обладатель черных глаз, которые уже утратили всякую необычность. — Я лишь только немного помог.

Он поднялся на ноги и спросил, указав на тихо сидящего рядом Вольца:

— Вы были тут вдвоем? С вами точно никого больше не было?

— Нет, больше никого... — тут Тельга снова осознала, что Вольц, которого она уже считала мертвым, сидит рядом и по своей привычке швыркает носом. — А откуда вы узнали про Вольца? И как вы его нашли?

— Ты сама нам рассказала, пока бредила, — ответил тот и добавил, отходя в сторону. — Если с тобой все в порядке — пойдемте к костру. Поешьте и нужно возвращаться в Диверт, пока в Болота не нагрянули ваши родители с поисками. Их спасти будет сложнее.

— Ты их видела, а? Нет, ты их видела?! — зашептал Вольц.

— Ты где был?! — накинулась на него Тельга. — Я тебя звала, думала, тебя звери сожрали эти мерзкие! А ты просто сбежал!

— Я сбежал?! — Вольц возмущенно засопел. — Это ты от меня сбежала! Я тебе кричу "Тельга! Тельга! Подожди!", а ты несешься как перепуганная!

— Сам ты перепуганный! Надо было ждать, чтобы меня разорвали? Догонял бы!

— А я догонял! Встал и побежал следом...

— Куда ты побежал?!

— Да за тобой я побежал! Только на меня сразу кто-то напал и — хрясь! Прямо по голове, поняла?! Я и не помню больше ничего! А утром глаза открываю, а рядом у дерева два вот этих в черном. Один, не тот, который сейчас с тобой сидел, а другой, спрашивает: "Ты вольц? Ты из Диверта? Ты сюда с Тельгой пришел?" Ну, я думаю, все, конец нам. Говорю: "Да, я Вольц из Диверта, а Тельга убежала и вам ее не найти, проклятые чоды! Я вас не боюсь!" Этот, что сейчас с тобой сидел, промолчал, а тот, который другой, удивился и спрашивает у него: "И этот про каких-то чодов. Тэи, ты точно не понимаешь, о чем они?" Этот ему в ответ на дерево показывает и говорит: "Вот его чоды: он в темноте на ветку налетел. Хорошо, что голова на плечах осталась..."

Вольц вдруг замолк, сообразив, что, увлекшись, сболтнул лишнего.

— Так ты просто в темноте об дерево треснулся что ли? — спросила Тельга, рассматривая огромную шишку, которая красовалась у толстяка на лбу.

— При чем тут дерево вообще! — зашипел Вольц, — что я, дерева в темноте не разгляжу?! Чоды это меня по голове ударили!

— Эй, дети! — послышался женский голос, который Тельга уже слышала ночью, — все вас ждут!

— Пошли, — Тельга поднялась на ноги (действительно, как всю ночь дома проспала). — Потом разберемся, что там за дерево на тебя напало. И нос вытри!

За завтраком, в отличие от Вольца, наворачивающего за обе щеки поджаренное над костром мясо, Тельга не столько ела, сколько рассматривала тех, кому они оба, в чем она не сомневалась, были обязаны жизнью.

Их было трое: два молодых парня и девушка. Не совсем обычная внешность, серая, с пепельным оттенком кожа и большие черные глаза делали их на первый взгляд похожими между собой. Однако, стоило к ним присмотреться чуть внимательнее, как сразу была заметна разница.

Того, что сидел рядом с Тельгой, звали Кин Зи. У него волосы были странного цвета —

как будто перемешались черные и белые пряди. Характером он, похоже, также отличался от остальных — уж точно был самым разговорчивым в компании. Именно он принялся задавать вопросы о том, какие, собственно дела занесли двух маленьких гельдов в такие места, да еще и ночью. Припомнил он и как вытаскивал Тельгу из болота.

— Напугал? У тебя мордашка была настолько перемазана грязью, что меньше всего ты была похожа на гельда. Да и не место гельдам ночью на Болотах.

Он защелкнул крышку отделения на странном оружии, которое держал в руках — что-то вроде очень маленького лука, закрепленного на короткой рукоятке — и скрытое приспособление сразу же натянуло тетиву из стальной нити, а из прорези в крышке держатель вытолкнул и положил на нее короткую стрелу.

Вольц во все глаза уставился на такое чудо техники.

— Это что такое?!

— Это? Это кивэй, — Кин Зи прижал натянутую тетиву специальной скобой. — Отличное оружие для спасения заблудившихся на болотах детей.

Вольц осторожно потянулся пальцем к темному гладкому дереву, но Кин Зи придержал его руку и покачал головой.

— Смотри сколько хочешь, а вот трогать не нужно.

Вольц убрал руку и со скептической миной на лице осмотрел оружие.

— Маленький какой... — недоверчиво скривился он. — И стрела какая-то игрушечная.

Вместо ответа Кин Зи убрал с тетивы скобу, поднял кивэй и дважды нажал на спуск. Стальная тетива дважды щелкнула — и от лежащего в паре шагов камня с треском отлетел ощутимый кусок.

Глаза Вольца стали круглыми от удивления.

— Ого!

— Вот так-то, — кивэй отправился в футляр на поясе. — Поведайте-ка вы мне лучше, что вы делали ночью на Болотах?

Тельга рассказала ему и о Братстве, и о его девятилетнем предводителе, и об испытании на храбрость, которое им было определено. Выслушав ее, Кин Зи покачал головой.

— Вы совершенно напрасно шутите с этим. Я бы, конечно, предложил вам рассказать все тарну, чтобы он сбил спесь со своего сынка так, как это принято у вас — гельдов. Но тогда попадет всем — и правым и виноватым. А Братство ваше, скорее всего, разгонят по домам вместе со всеми его ритуалами и испытаниями. Но разобраться с этим вашим Пфалем необходимо — иначе дело кончится плохо.

— Но ведь сам он ночевал на Болотах, — возразила Тельга. — И вернулся живым и здоровым. А ему всего девять лет!

— Врядли это возможно, — возразила девушка.

Тельге понравилось ее имя: Мэй Си. И, хорошенько присмотревшись, девочка она решила, что и сама была бы не прочь так выглядеть, когда подрастет. Вон, даже жирный Вольц на нее пялился. Даже когда еду сняли с огня. А это что-то да значит.

— Почему это — врядли возможно? Вон, Вольц был с ним. Да, Вольц?

Толстяк замер, не донеся еду до рта. Кин Зи усмехнулся и толкнул сидящего между ним и девушкой черноволосого:

— Слышал, Тэй? Вольц на Болотах уже второй раз, а ты говоришь: "В темноте на дерево налетел". Да он тут все уже вокруг обошел.

Потягивающий из стакана им же самым заваренный на кипяченой воде настой, Тэй Зи

(как он сам представился перед завтраком) даже не повернул головы.

— Во сне, разве что. В компании с чодами.

Вольц втянул голову в плечи.

— Болота скрывают много древних, ужасных порождений, — пояснила Мэй Си. — Тех, кого вы видели называют «загонщиками» и встреча с ними — это кое-что похуже неизбежной смерти. По крайней мере для тех, кто к таким встречам не подготовлен.

— В общем, с ночевкой на болоте у ваших героев не все выходит гладко, — подытожил Кин Зи.

Он подмигнул покрасневшему толстяку и щеки того заалели еще ярче.

Тельга сжала кулаки

— Вольц, гад, ты что — врал?!

— Да он ко мне Шномца прислал! — заорал в ответ толстяк. — Тот говорит: скажешь, что вы оба на болоте переночевали. А не скажешь — нос сломаю! Вот я и сказал!

— Да ты соображаешь вообще, что натворил?!

— Я тебе сто раз пытался сказать — не надо сюда идти! Ты сама же уперлась, как корова в воротах: "Я пойду, Я пойду"! Я, между прочим, тоже мог тут пропасть с тобой вместе!

— Тихо! — вмешался в скандал Кин Зи. — Помолчите-ка оба.

Тельга и Вольц замолкли.

— Прежде всего, как бы то ни было, теперь вы оба провели ночь на Болотах, а, значит — честно прошли это ваше испытание, — он кивнул им обоим. — Теперь вам просто нужно прийти на собрание, или что там у вас, и рассказать обо всем остальным, чтобы больше ни у кого не возникало желания это повторить.

— Нам никто не поверит, — заикнулся Вольц.

— Если ты расскажешь правду о Болотах — поверят, — ответил ему Кин Зи. — Но рассказать придется все. В том числе — и о вашем с Пфалем вранье.

— Меня Шномц убьет! — заныл толстяк.

— А как ты собрался город защищать, если у тебя даже себя самого защитить смелости не хватает?

Вольц не нашелся, что возразить.

— Но сначала нужно вернуть вас домой, — сказала Мэй Си. — Тем более, что нам тоже нужно в Диверт.

— Мэис права, — согласился Кин Зи. — Чем раньше вы вернетесь к родителям — тем лучше.

Быстро погасили костер и засыпали место, где он горел, влажной землей. Затем цепочкой отправились к дороге. Пока шли, осторожно перебираясь с одного островка на другой, Тельга поняла, как далеко она убежала в ужасе, не разбирая дороги. Даже доживи она каким-то чудом до утра — сама она пути назад ни за что бы не нашла.

Но трое неизвестных, похоже, прекрасно ориентировались в лабиринте протоков и островков. Через час, не более, им удалось выйти на твердую землю.

Туман, висящий над болотами, уже давно рассеялся. В чистом синем небе светило яркое солнце. Кин Зи посмотрел на него, прищурился, вздохнул, и натянул на голову широкий капюшон, полностью закрыв лицо. Мэй Си и Тэй Зи последовали его примеру.

— Жара, — вздохнул он и протянул Тельге руку. — Ну что, идем в Диверт?

Очень скоро болото пропало из вида, скрывшись за поворотом дороги. Тельге нравилось

шагать по горячей пыли, так непохожей на влажную, пружинящую под ногами, чавкающую почву. Украдкой, она рассматривала идущую рядом Мэй Си, стараясь подражать ее походке. На будущее пригодится.

Мама всегда говорила, что подглядывание за кем-нибудь до добра не доведет. Так оно и вышло. Непонятно, откуда взялся на дороге этот камень, но стопа на нем подвернулась основательно. Зашипев от боли, Тельга запрыгала, на здоровой ноге.

Все, разумеется, остановились.

— Ты что? — поинтересовался Кин Зи.

Он наклонился, потрогал пострадавшую ногу. А потом с хрустом повернул стопу в сторону.

Ожидая жуткой боли, Тельга открыла рот, чтобы заорать во весь голос. Но так и не произнесла ни слова.

— Не больно? — поинтересовался Кин Зи, глянув из-под капюшона.

Тельга осторожно поставила ногу на землю. По своему богатому детскому опыту она знала, что болеть должно. Обязательно должно! Но — почему-то не болело. Чтобы удостовериться, она подпрыгнула на вывихнутой ноге.

— Вижу, что не больно, — кивнул Кин Зи.

— Как вы это делаете? — поразилась Тельга. — Тэи Зи утром, а теперь вы с ногой... Как у вас это получается?!

— Ну, куда мне до Тэи, — рассмеялся Кин Зи.

Он задумался на секунду, а потом добавил:

— Знаешь что? А давай-ка я тебя лучше на плечах понесу. Целее ноги будут. А ты мне пока расскажешь что-нибудь? Не против?

— Конечно, давай!

Топающий позади Вольц, увидев, что Тельга более не должна идти пешком, грустно вздохнул и украдкой глянул на идущего рядом Тэи Зи.

— Не смотри, — как увидел, ведь головы даже не повернул, — шагай, тебе полезно.

Да ну его. Спрятался под плащ свой черный, идет, молчит всю дорогу. Руку, правда, дал — и на том спасибо. И все равно — зануда. Вот Мэй Си — она красивая и хорошая. Хоть и говорит немного — но видно, что добрая. А этот... "Во сне...". Сам бы посидел в Болоте ночью... Теперь всем расскажет про дерево.

— Никому я ни о чем не расскажу.

— Чего?!

Вольц сначала подумал, что произнес свои мысли вслух. Потом припомнил побыстрому... Нет, ничего он вслух не произносил.

— Вы что, знаете, о чем я сейчас думаю?!

— Знаю. Ты думаешь, что я всем расскажу, что ты ударился об дерево. А еще ты думаешь, что ты трус.

Вольц насупился. Эта мысль грызла его с самых болот. Но следующая фраза, прозвучавшая из-под капюшона, заставила его остановиться.

— И ты не прав. Ты, может, и врун, но никак не трус. Ты очень смелый.

— Я — смелый?!

Тэи Зи тоже остановился. Он повернулся к вставшему посреди дороги Вольцу, присел и снял капюшон.

— Ты отговаривал Тельгу идти на Болота?

— Ну... — кивнул толстяк

— Ты бы пошел с ней, даже если бы не должен был, ведь так?

— Ну...

— Ты хотел спасти ее от зверей из Болот.

— Ну...

— Ты даже побежал за ней следом, но...

— Меня чоды по голове ударили!

— ... но ударился в темноте о дерево.

— Я не...

— Вот скажи мне, — спросил Тэи Зи, не дослушивая, — было ли тебе при этом страшно?

Вольц несколько секунд думал, а потом, швыркнув носом, произнес:

— Очень.

— И, тем не менее, как бы тебе не было страшно, ты ее не бросил. — Тэи Зи посмотрел ему прямо в глаза — Разве же это — поступок труса?

Вольц не нашелся что ответить.

— Бояться — нормально. Страх — это голос предостерегающий в минуты опасности. Но бывают моменты, когда мы, даже слыша его, поступаем наперекор тому, что он нам говорит. Это происходит, когда мы чувствуем свою ответственность за того, кто нам не безразличен. Когда чью-то жизнь мы начинаем ценить выше своей собственной. И если ты оказался способен на это — значит никто и никогда более не смеет считать тебя трусом.

Вольц вдруг почувствовал, как что-то изменилось. Как будто стал выше ростом, стал старше и сильнее. И куда-то подевался вечно непроходящий насморк. Почему-то он представил, как будет визжать от злости Пфаль, когда они с Тельгой расскажут всем о том, что на самом деле произошло на Болотах. И это ему понравилось! А Шномц... Да ну его. Если не последняя скотина — в драку не ползет. Ну а ползет — поглядим кто кого.

— Вижу, что ты сделал правильные выводы, — спокойно произнес Тэи Зи, видя как Вольц улыбнулся, выпрямил спину и расправил плечи

Он поднялся и снова накинул на голову капюшон.

— Пошли. А то все стоят — нас ждут.

Но, как оказалось, у остановки были свои, более серьезные причины. Дорога впереди поднималась на небольшой холм, и над ним сгущалось серое облако поднятой пыли.

— Кажется, ваши родители отправились вас искать... — сказал Кин Зи.

— И, похоже, они захватили с собой весь город, — добавила Мэй Си.

На вершине холма показались черные точки. Их количество увеличивалось с каждой секундой. Медленно они заполняли собой все пространство и вдруг устремились вниз, поднимая стену пыли.

— Нас заметили, — сказала Мэй Си.

Вскоре послышалось фыркание, и рядом остановились несколько оседланных пэва. Сидящие на них всадники, всматриваясь сквозь пыль, выдернули из седельных зажимов короткие копыя и взяли всю группу в кольцо. Один из них указал острием на Кин Зи:

— Ты! Опусть девочку на землю! Да так, чтобы мне даже не показалось, что ты делаешь это не осторожно!

— Извини, но прогулка, закончена. — Кин Зи сторожно подхватил Тельгу подмышки и опустил на землю.

— Теперь убери от нее руки! Быстро!

— А мальчика можно оставить себе? — поинтересовался Кин Зи, демонстративно пряча руки под плащ.

— А это ты сейчас у его отца спросишь.

И действительно, послышался топот и еще один всадник присоединился к вооруженной группе. В отличие от остальных он сразу же бросил поводья и, спрыгнул на землю.

— Дядя Херсвальд! — закричала Тельга

— Папа, я тут! — замахал руками Вольц.

— Энлиан Светоносная... — мужчина шагнул вперед — Вольц! Тельга! Вы живы!

— Папа, скажи, чтобы они убрали копыя! — Вольц схватил за руку Тэй Зи — Тэй, Кин и Мэйс нас спасли из Болота и вели домой!

— Дядя Херсвальд, пожалуйста! — Тельга взяла за руки стоящих рядом с ней Мэй Си и Кин Зи.

— Что скажешь, Херсвальд? — спросил один из всадников.

— Ребенок не подаст руки тому, кто причинил ему зло, — ответил мужчина. — Уберите оружие.

— Как скажешь.

Копья вернулись в ячейки седел.

Вытирая с лица пыль, Херсвальд подбежал к детям и крепко обнял их обоих.

— Вы нашлись, вы живы! — заметив на лбу у Вольца раздувшуюся шишку, он нахмурился — А это что еще такое? Откуда?

— Папа, все в порядке, я... — Вольц на секунду смешался и украдкой глянул на стоящего рядом Тэй Зи. — Я в темноте ударился об ветку.

— Об ветку? Где вы были всю ночь?!

— Мы...

— Дети сбились с дороги недалеко от Болот, — ответил за него Кин Зи.

Звук его голоса заставил Херсвальда вздрогнуть. Он выпрямился и осторожно подтянул поближе к себе обоих детей.

— Простите счастливого отца. Я в вечном долгу перед вами, — он улыбнулся, но улыбка несмотря на все его старания была настороженной и неискренней. — Как мне называть вас?

Вокруг тем временем уже начала собираться толпа. Подъезжали, подбегали и подходили

все новые участники поисков.

Кин Зи опустил на плечи капюшон плаща.

Лицо гельда изменилось так, словно перед ним вдруг выползла ядовитая змея. Прижав к себе детей, он отступил назад произнеся всего одно слово:

— Санорра!

"Санорра... Санорра..." — послышались голоса. Одновременно со всех сторон раздался звон железа, и толпа ошетибилась клинками мечей, и даже кухонных ножей. Сидящие верхом снова выхватили копья.

— Дядя Херсвальд, вы что?! — закричала Тельга

— Пап, ты сдурел что ли?! — поддержал ее Вольц — Они же нас спасли!

Не слушая детских воплей, Херсвальд дотянул их до толпы горожан. Здесь упирающихся детей подхватили на руки и унесли подальше.

— Послушайте, — Мэи Си тоже открыла лицо (что вызвало новую волну вздохов и вскриков: «Гляди, гляди, и девка такая же!»). — Мы направляемся в Диверт по личному приглашению тарна Хенрила...

— Не хватало нам в городе напасти! — выкрикнул кто-то из толпы. — Чего это ради тарну вас приглашать?!

— Этого я вам сказать не могу, — спокойно ответил Кин Зи. — Но мы можем вместе дойти до города и...

— Да что с ними разговаривать!

Но, судя по тому, как переглянулись между собой стоящие кругом всадники, упоминание имени тарна имело смысл. Обменявшись с ними вполголоса несколькими фразами, Херсвальд спросил:

— Что за дело у вас к тарну?

— Если бы тарн хотел, чтобы вы об этом знали, он бы сам вам рассказал, не так ли? — спокойно ответил ему Кин Зи.

Щека гельда нервно дернулась. Его явно мучили сомнения. Несколько секунд он напряженно размышлял, а затем подозвал к себе одного из верховых. Пэва топнул ногой, подняв с дороги облако пыли.

— Возьмите эту компанию под конвой, — он указал на стоящих на дороге санорра. — Приведем их в город и сообщим тарну. Пока посидят в подвале под караулом.

— Уверен?

— Как ни крути — я и Зельва им обязаны за детей, — вздохнул Херсвальд. — Да и с тарном я связываться не хочу. Приглашал он их или нет — не знаю. Пусть сам и разбирается. По крайней мере, ничего плохого они пока не сделали.

— Ну, смотри, — всадник с сомнением покачал головой, но махнул рукой остальным: — под конвой всех троих, и смотреть в оба! Возвращаемся в город!

— Все как всегда... — вздохнул Тэи Зи, так и не снявший свой капюшон. — Одно и то же.

У Хенрила — главы Диверта, представителя власти в Восточном Таре, было любимое кресло. Старое, с потертыми деревянными подлокотниками и весьма выцветшей от долгой службы обивкой. Уж сколько раз супруга просила его, если не избавиться от старья, так хотя бы отдать на пару часов плотникам. Они заменят набивку и ткань, подновят дерево подлокотников и ножек — и будет нормальная новая мебель, а не драное пугало, за которое перед гостями стыдно. Однако Хенрил и слушать ничего не хотел. А, когда однажды жена отправила кресло к плотникам тайком, он лично явился в мастерскую и в красках описал старшему мастеру, что с ним произойдет, если обивки уже успел коснуться нож мебельщика.

И вот, впервые, сидя в своем любимом кресле во главе длинного стола, за которым происходили собрания городского Совета, он ощущал некоторое неудобство.

— Еще раз прошу прощения за произошедшее недоразумение, — он очередной раз поерзал, пытаясь устроиться поудобнее под взглядами присутствующих. — Сами понимаете, Болота рядом, с них лезет гадость всякая. У нас тут не Аверд — народ попроще. Книг читают мало, а вот страшных сказок рассказывают множество.

И ведь хотел же собрать Совет с раннего утра, чтобы рассказать, что будут такие необычные гости, предупредить, как говорится, во избежание недопониманий. Но пропавшие дети переломали все планы. Сначала собирали людей на поиски, потом все разъехались обыскивать лес и поля вдоль дороги на восток.

И надо же было, чтобы все вот так совпало-то! Херсвальд тоже хорош: нет, чтобы гонца прислать с дороги — спокойно посадил всех троих под замок и пришел, неторопливый, с докладом: «Так мол и так, что делать будем?». А тут еще и Зельва, матушка Тельги, прибегает — и чуть ли не с кулаками на него: «Да что же ты, боров толсторылый, делаешь-то?! Они же детей наших от смерти спасли — из Болот вывели! Да мы их вечно вспоминать должны, а ты?! За пустоголовыми повторяешь — значит сам без ума!» Еле растащили. Но можно женщину понять. Для нее дочка — последняя радость в жизни с тех пор, как мужа похоронила.

Что делать — собрали быстро городской Совет, вызвали обоих детей. По одному запускали в зал и просили рассказать, что произошло. Ну, они и порассказали. Правда, как с пути сбились — все путались, но о том, что ночью было, — храни Светоносная от такого — рассказали подробно. И о том, как санорра спасли их из Болот, отогрели, отчистили от грязи, накормили и повели домой, тоже рассказали. И выходило по всему, что хоть и все повели себя не самым гостеприимным образом, но тарн Хернил в этой истории — самый виноватый: и не предупредил никого, и сам гостей не встретил.

Что делать, собрались всем Советом, пошли с толпой горожан, выпустили санорра на волю. На глазах у всех собравшихся тарн объявил всех троих своими личными гостями, затем пекарь Херсвальд, который в городском Совете отвечал за ополчение и порядок, принес всем троим свои извинения, а Зельва, плача обняла каждого со словами благодарности. В общем — как смогли, честь города восстановили. Только кто ж этих санорра поймет — у них же на лице никогда ничего не написано.

— Тарн, не стоит волноваться об этом, — ответила Мэи Си. — Места вокруг Диверта опасные. Ваши горожане правы, что проявляют осторожность.

— Но лучше вам все-таки объяснить всем, для чего мы здесь, — заметил Кин Зи. —

Чтобы избежать последних недомолвок.

Хенрил снова поерзал, пытаясь устроиться, и обратился к сидящим за столом членам городского Совета:

— Завтра начинаются Тэйцевас — праздники урожая. Значит, скорее всего, сегодня вокруг новых ферм опять начнется какая-нибудь страсть.

Вайтриц, городской врач, родовспоможенец, аптекарь, костоправ и излечитель скота, а по совместительству, как самый ученый после местного энле горожанин — хранитель небольшой библиотеки, скептически поморщился.

— Поменьше бы они налегали на храмовое угощение, да пораньше возвращались домой. Глядишь — и не мерещилось бы в тумане всякое. Залитые глаза и заплетающиеся ноги быстро в лес уведут. А там ночью и трезвому шею свернуть недолго.

— Вайтриц, не вали все на бутылку, — хмуро возразил Херсвальд. — Товальс, которого в прошлом году нашли в овраге — он капли в рот не брал. Глаз у него верный был и рука твердая, недаром с детства с отцом за зверем ходил. И лес он знал как собственный двор. Жена у него на ферме, детей четверо — зачем ему среди ночи в лес с дороги сворачивать? А ведь свернул. И смерть-то какую нашел — глупую, бессмысленную.

Но на доктора-историка-библиотекаря его слова впечатления не произвели. Он махнул рукой и спросил:

— А поденщики, которые в прошлом году среди ночи в город прибежали и носились по улицам, стучались во все двери, крича, что за ними гонятся три всадника? Сколько потом лес прочесывали — нашли хоть какие-нибудь следы? А младший Трегаль и Лифца, дочка плотника, которых через пару ночей у Тарнова Камня поймали — им тоже верить?

— Ты их видел? Они же перепуганные были до смерти! Чего бы им врать?

— Что их девка какая-то в лес завела? — Вайтриц усмехнулся. — А что ты ожидал от них услышать, правду что ли? Сказать тебе, зачем они в лес-то ходили по ночи, или сам догадаешься?

Сидящая между пекарем и аптекарем Зельва, покраснела. Тарн тоже, казалось, смутился.

— Вайтриц... Ты давай, за словами-то следи. Не в кордже.

Он кашлянул в кулак и продолжил.

— В общем, как бы то ни было — разбираться надо. И потому, я пригласил сюда наших гостей. У них уже есть богатый опыт в выполнении разных... — Хенрил замялся, подыскивая подходящее слово

— Необычных, — подсказала Мэи Си

— Да, необычных. Необычных поручений.

— За соответствующее вознаграждение, не так ли? — подал голос седой старик, сидящий у самого края стола. Одет он был в белые длинные одежды с широкими рукавами, в которые прятал сложенные руки. На его голове лежала белая круглая шапочка.

Все повернулись нему, и он продолжил.

— Впрочем, любой труд заслуживает награды. Но, насколько мне известно, Старый Город не одобряет прямые обращения в Эш Гевар.

Тарну его слова явно не понравились

— Энле Йозэф, давайте, каждый из нас будет заниматься своим делом, — холодно ответил он. — Вы будете служить городу в Храме, а я — в Совете.

— Могу ли я передать эти слова эйцвасу Решевельцу, если он захочет узнать, почему

Диверт пренебрегает его рекомендациями? — спокойно поинтересовался храмовый служитель.

— Эйцвасу совершенно не обязательно задавать этот вопрос вам. Захочет — спросит у алворда лично.

— Диверт не обращался в Эш Гевар — пояснил Кин Зи. — Мы — Дей-Кай. Вы ведь знаете, что это означает?

— Дей-Кай? — удивился старик, — «Отделившиеся»? Все трое? Это очень не похоже на обычаи санорра — отпускать двух посвященных и, судя по тому, что рассказали дети, великолепно подготовленного бойца, за пределы Эш Гевар.

— И, тем не менее, это так. Мы давно уже отвечаем за себя сами. Так что все в порядке — никакие негласные указания Аверда не нарушены. И вы, разумеется, можете сообщить об этом в Старый Город, раз таковы ваши обязанности.

Йозэф вежливо улыбнулся, и снова склонил голову, сложив руки и спрятав их в рукавах.

Тут впервые заговорил Тэи Зи.

— Вы писали нам, что все началось только после того, как вы расчистили и распахали новые участки в редколесье?

— Да, — кивнул Хенрил. — Земля там хорошая, мягкая, деревья молодые, не укоренившиеся. Родник рядом. Расчистили, пни выкорчевали, дорогу новую накатали, дома поставили, наделы распахали — за весну управились. Лето и начало осени прожили спокойно. А как первый урожай сняли — началось. Был у нас такой парень — Гольдат его звали. И был Гольдат этот хуже зубной боли: что ни день — то драка, что ни ночь — то попойка с песнями. Ну да не об этом речь. А ходил этот Гольдат к девице одной, что жила как раз на фермах. Как там ее звали то... Ладно, не важно. Так вот — после угощения пошел он ее провожать до дома. Назад не вернулся. Утром нашли его у самой новой дороги с такой раной в груди, как будто его хорошим топором кто угостил.

— Разбирались?

— Ну как же. Только все впустую. Сам я дознание вел. Девушка рыдает: до дома, говорит, довел — пошел назад. Дружки его кто допивать остался, а кто по домам уже спал. Была, конечно, мысль, что подкараулили его да рассчитались за все хорошее по темному делу. Да только кто в темноте ждет — он или камнем по голове, или ножом в спину бить будет.

— Добавлю еще, что рана была престранная, — вставил Вайтриц. — Я осматривал тело, и скажу вам — не колуном его приложили. Широкий и тяжелый был топор. И острый. Такими головы рубят, а не дрова.

— Гедарский боевой тельдар? — спросил Кин Зи.

— Очень похоже, что да. Ну, или что-то подобное.

Тарн Хенрил покачал головой:

— Только не думаю я, что в Диверте найдется богач, у которого в доме лежит оружие гедарской работы. У меня, например, его нет. Заглядывался как-то в одной лавке, в Хейране, но не стал брать — дорого, да и непривычно.

Он похлопал рукой по висящим на боку ножнам.

— В общем, искали мы, искали — но никого не нашли. А с ферм что ни день — то жалоба: то крики какие-то в ночи из леса, то тени между деревьями мелькают. Утром идем проверять — никаких следов. А через пару дней к Херсвальду пришли старые Вольки, ферма там у них. Говорят, шел Вольк до дома ночью, отошел с дороги до кустов — приспичило. И вдруг выходит к нему из леса кто-то. Огромный, одежда в грязи вся, волосы рыжие, лицо —

краснющее, глаза кровью налились. А в руках — ни то пика, ни то копьё, но здоровенное. Заметил Волька — и к нему. Кричит что-то непонятное, руками машет. Ну, Вольк и бегом оттуда. Так до дома и добежал — штаны держал руками.

Санорра переглянулись

— Но прошли праздники — и тишина. Как ничего и не было. Осень прошла, зима, лето — мы и забыли уже про все. И тут, снова под самые праздники — беда: Товальс зверолов пропал. Искать вышли его всем городом. И нашли... — тарн вздохнул. — Но про это я вам в письме писал. И про все остальные случаи тоже.

Тэи Зи кивнул.

— В Аверд мы писали дважды. В ответ — ни слова. В этом году отправили еще одно письмо. И на этот раз они решили ответить.

— Так а что же ты молчишь-то! — воскликнула Зельва. — Что пишут?

Тарн помрачнел, вынул из-под разложенных на столе бумаг лист с двумя печатями: большой — Государственного Совета, и малой — его алворда. Протянул его женщине.

— Вот, почитай.

Зельва развернула письмо. Брови ее удивленно приподнялись:

— «Совет внимательно рассмотрел ваше сообщение и не нашел в нем ничего, что требовало бы срочного серьезного вмешательства. Поэтому вашу просьбу о направлении в Диверт специально подготовленных офицеров Храмовой Стражи, решено оставить без удовлетворения».

— Я ожидал чего-то подобного, — тарн посмотрел на сидящих за столом санорра. — Поэтому и разыскал вас по совету друзей. Я понимаю, что после сегодняшнего происшествия город перед вами и так в неоплатном долгу, но что скажете? Вы сможете разобраться в том, что творится?

— Мы постараемся.

— Вы знаете, что происходит?

В ответ Кин Зи неопределенно пожал плечами.

— То, что вы нам написали, натолкнуло нас на определенные подозрения. То, что нам удалось узнать и то, что вы нам сейчас рассказали, эти подозрения только подкрепило. Если бы вы допустили нас к городскому архиву...

— Если это необходимо, то он в вашем распоряжении, — поспешил согласиться Хенрил. — Надеюсь, энле Йозэф не возражает.

— В храмовый архив, как вы понимаете, я никого допустить права не имею, — возразил служитель. — Но если ваш интерес ограничивается архивом города...

— Исключительно архивом Диверта.

Йозэф улыбнулся

— Юноша, архив Диверта огромен. Он хранится еще со времен строительства крепости.

— Нас интересует вполне определенный период времени. Весьма небольшой — около трехсот лет назад. Тэи Зи сможет указать точнее.

— Ну что же, — Йозэф не спеша кивнул. — Не вижу никаких препятствий. С удовольствием составлю вам компанию, сразу после окончания этой встречи.

— Благодарю, энле.

Тэи Зи сложил руки на столе и посмотрел на членов Совета.

— И еще одна просьба. Необходимо сделать так, чтобы ни на новых фермах, ни на дороге вдоль леса, сегодняшним вечером и ночью никого не было. Это крайне важно.

Это требование вызвало у присутствующих гильдов удивление.

— Положим, тех, кто живет в у холма мы в городе удержим... Выставим ополчение на выходах, дозоры... — покачал головой Херсвальд. — Но как загнать в город два десятка фермеров? Да еще и с малыми детьми.

— Начните праздник сегодня вечером, — предложила Мэй Си.

— Праздники урожая — древний и уважаемый обычай. Столетиями порядок празднования не менялся, — заметил Вайтриц.

— Тогда устройте другой праздник, — подал идею Кин Зи, — например, в честь спасения детей. Накройте столы с угощением и пообещайте рассказать о том, что было ночью на болотах. Думаю, на такую приманку придут все.

— Ночи уже холодные, — возразила Зельва. — Молодым, положим, еще ничего, а вот старикам да младенцам ночью на улице делать нечего.

— И не нужно на улице, — вдруг поднял голову Йозэф. — Все прекрасно могут поместиться в храме. Разберем сиденья по сторонам, установим длинные столы, будет хорошо.

Он засмеялся и добавил:

— А уж если наши старики умудряются дремать и под музыку на танцах, то на теплых шкурах им будет еще удобнее. Поставим им отдельные мягкие сидения в углах, позаботимся, чтобы там было выпить — закусить, большего и не потребуется. Для малышей приспособим боковые комнаты. Если сейчас распорядиться — к вечеру все будет готово.

Хенрил, Херсвальд и Вайтриц посмотрели друг на друга. Помощи от старика-энле они явно не ожидали и теперь искали в его словах подвох. Йозэф это заметил.

— Впрочем, дело ваше, — пожал он плечами. — Но не забывайте, что храмовые двери закрыть проще, чем городские ворота, которых нет.

— Энле Йозэф прав, — согласился Кин Зи, — это прекрасный выход. И отличная идея.

— Да кто же спорит, — проворчал тарн, глянув искоса на довольного служителя. — Хорошо, так и поступим. Сейчас же начнем подготовку. Херсвальд, отправь молодцов поголосистее, пусть объявят по городу и на фермах, что к закату всем быть у храма. Потом вечером нужно дома дозором обойти, все проверить, особо непонятливых проводить.

— Ну, допустим, проводим, — Херсвальд покачал головой. — Но начнут задавать вопросы. Лучше дать им хоть какое-нибудь объяснение. И чем оно будет проще — тем лучше. Дети опять же — как за ними уследишь?

— Скажите им, что чоды разбушевались, — сказал Тэи Зи.

— Кто?!

— Чоды. Чоды, приходящие в ночи, — темное лицо черноволосого санорра продолжало оставаться бесстрастным. — И что безопасно нынче будет только в храме. Вот увидите — этого будет достаточно. И особенно — для детей.

— Да о каких Чодах вы все речь-то ведете? — возмутился Вайтриц. — Никогда о них не слышал!

— И я, — согласился тарн. — Но, чоды, или не чоды — меня больше волнует, сможете ли вы справиться с ними?

— Приложим все силы, — Кин Зи поднялся с места. — С вашей помощью. А теперь нам всем нужно подготовиться.

— Конечно, — Хенрил тоже поднялся со своего кресла, и члены Совета последовали его примеру. — Недалеко от храма, вниз по улице, есть небольшой дом. Он полностью в вашем

распоряжении. Внутри вы найдете все необходимое. Вайтриц вас проводит. Если что-то потребуется — обращайтесь сразу же ко мне, или к любому из присутствующих.

На этом собрание закончилось. Распрощавшись с тарном, санорра покинули его кабинет. Выйдя следом за Хенрилом и Вайтрицем на улицу, Кин Зи заметил, что толпа горожан уже разошлась. Гельды занимались своими делами, и лишь украдкой рассматривали идущую по улице группу.

Воспользовавшись тем, что библиотекарь замешкался, разговаривая с каким-то прохожим, Кин Зи усмехнулся и тихо спросил:

— Чоды, значит? Приходящие в ночи?

— Приходящие в ночи, — пожал плечами Тэи Зи. — А что?

— Да ничего... Молодец, Тэи.

— Угу.

— Хватит болтать, — одернула их Мэи Си. — До заката осталось не так уж много времени, а дел еще много.

— Согласен. — Кин Зи посмотрел в сторону не спеша идущего к западному горизонту солнца. — Тэи, ты в архивы?

— Просмотрю все записи о смерти горожан за тот период, плюс-минус тридцать лет. Но есть ли смысл? После объединения земель все документы на семьи тарнов хранятся в Аверде, их мы видели. Вряд ли что-то еще затерялось среди здешних бумаг.

— Вот и проверишь. За одним — заглянешь на кладбище. Где искать — знаешь.

— В старой части.

— Именно. Мэис?

— Я пройду по лесу. Если есть прорывы в Тонкий Мир — я постараюсь их заметить. В таком случае мы ошибаемся, и тут разгуливают какие-то бродячие сущности, вроде Загонщиков. Если прорывов не будет — значит...

— Значит, все сходится, — кивнул Кин Зи. — А я попытаюсь все-таки поговорить со всеми, про кого рассказывал Хенрил. Надеюсь, после того, как нас принародно расцеловали лучшие представители Диверта, при моем появлении они не станут хвататься за оружие. А теперь тихо — Вайтриц догоняет.

Жутко ночью в лесу. Чернота разбавлена ледяным туманом, напозвизгивающим с болот. Непроницаемая серая пелена медленно движется, обтекая деревья, источая холод и сырость. Все вокруг превращается в смутные тени, теряет свои очертания. Кажется, что старые деревья медленно движутся, поворачивают со вздохом свои стволы, печально опускают ветви и жалуются тяжело на что-то свое, непонятное тем, кто не прожил еще под этим небом хотя бы пары сотен лет.

Ночь, словно тяжелый сон больного, тихо ползет по своей привычной дороге от заката до рассвета, отсчитывая часы и приближаясь к самой своей середине. И вдруг туман начинает нехотя расползаться в стороны, открывая небольшую поляну. Посреди нее ясно видна большая куча старых листьев и обломанных сухих веток. И на первый взгляд ничего необычного — то ли ветер постарался, то ли ручьи по весне потрудились, но вдруг раздается шорох и слежавшаяся листва начинает медленно двигаться.

Сначала из нее появляется рука. Широкая ладонь упирается в мох и сразу же выдавливает небольшую ямку, быстро наполняющуюся водой. Ветки и листья рассыпаются в стороны, и с земли медленно приподнимается мужчина.

Он сразу оглядывается по сторонам, одновременно шаря в темноте вокруг себя руками. Очень быстро находит то, что искал — рядом, присыпанные листвой, на земле лежат стальной нагрудник и скомканный, покрытый грязью плащ. Но сейчас не они интересуют его. Раздается тихий звон и он поднимает с земли длинную пикку с широким наконечником. Присев на колени, он внимательно прислушивается. Глаза, иногда отблескивающие красно-желтым цветом, внимательно смотрят вокруг, пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь туман. Но, похоже, он не смог ни увидеть, ни услышать ничего такого, что хотел бы, потому что, опершись на древко своей пикки, он поднимается на ноги и тихо произносит:

— Ольгрид? Ольгрид, ты меня слышишь?

Его голос, вязнет в тумане, а лес отвечает ему тишиной.

Мужчина делает несколько шагов, приближаясь к окружающим поляну деревьям. Он идет вдоль них, продолжая всматриваться в белую мглу.

— Ольгрид, ты здесь? Отзовись! — постоянно повторяет он.

Вдруг он останавливается, резко наклоняется и поднимает обрывок светлой ткани. Всего секунду он смотрит на него, затем делает решительный шаг вперед, прямо в темноту.

— Ольгрид!

Он идет между черными деревьями, стараясь не сходить с еле проступающей из-под тумана тропинки, осматриваясь по сторонам. Периодически останавливается и прислушивается, надеясь услышать хоть что-нибудь. Затем крепче сжимает в руке мокрую ткань, снова зовет... И снова не получает ответа.

Туман все сгущается. Он неохотно расползается в стороны перед идущим и сразу же смыкается позади, сворачиваясь в петли и вырисовывая белые узоры.

Внезапно чуткие уши мужчины улавливают тихое потрескивание. Он всматривается вперед и замечает слабые отблески, пляшущие на белой пелене. Его сердце начинает биться чаще, рука крепче сжимает пикку, а походка становится бесшумной. Он движется в тумане так осторожно, словно сам стал его частью.

Это же костер! Но кого это занесло в такую глушь? Мужчина, вдруг прижимает руку к

боку, ощутив острую режущую боль. Уже несколько раз это ощущение беспокоило его, но теперь заболело так, как будто в живое тело всадили лезвие ножа. Но все в порядке, никакой раны нет. Скрипнув зубами, он перехватил удобнее оружие и подобрался почти к самой границе дрожащего светлого пятна.

Хозяина костра он заметил не сразу. Тот сидел, опершись спиной на поваленный ствол дерева, и, судя по расслабленной позе, мирно дремал, укутавшись в широкий плащ. Более никого на поляне не было.

Мужчина задумался. Опасным незнакомец не выглядел: телосложением и ростом явно проигрывал, да и серьезного оружия при нем, не было — под плащом его не спрячешь, а на земле ничего не видно.

— Если ты собираешься меня грабить, то взять у меня нечего. А если хочешь погреться, то можешь не стесняться, подходи, садись, места тут хватит, — вдруг заговорил тот, что казался спящим.

Он сделал приглашающий жест. Прятаться в темноте больше не имело смысла, и мужчина решил приглашением воспользоваться. Раздвинув нависающие ветви, он вышел на освещенную поляну.

Сидящий поднял голову.

— Далеко же занесло тебя от Ашхакара, — под капюшоном, прикрывающим голову от тумана блеснули белые зубы — Ведь, несмотря на твою одежду, явно позаимствованную у гельдов, ты же раг`эш? Или я ошибаюсь?

— Нет, я раг`эш. — мужчина быстро осмотрел поляну. Странно, но, похоже, туман обтекал ее стороной. — Не сочти за грубость, но не мог бы ты показать мне твое лицо?

— Похвальная осторожность, — незнакомец снял капюшон.

Темная кожа, черные глаза, черные волосы с не то белыми, не то седыми прядями... Санорра. Мужчина опустил оружие, которое все это время держал готовым к обороне.

— Да и тебя далеко занесло от Эш Гевара, — он подошел поближе к костру и тоже уселся около огня.

— Дела..., — санорра вынул из-под плаща бутылку с водой. — Пить не хочешь?

— Нет, благодарю.

— Тогда хоть умойся. А то ты выглядишь так, как будто землю рыл. Что случилось?

Набрав в ладонь воды, раг`эш смыл с лица грязь, вымыл руки. Собеседник посмотрел на него и кивнул:

— Так гораздо лучше. — он протянул руку. — Кин Зи. А тебя как звать?

— Саффат! — раг`эш приложил сжатую в кулак руку к груди, а затем протянул ее собеседнику — Ашфарт Саффат.

— Рад знакомству с тобой, Саффат, — улыбнулся Кин Зи, пожимая ему руку — Есть хочешь? У меня в костре пара клубней — откапывай любой, уже испеклись.

— Благодарю, не хочу.

— Значит, ты не из-за голода не в себе, — Кин Зи поднял с земли ветку и, выкопав ей из-под костра дымящийся клубень, перехватил его пальцами и принялся дуть, пытаясь остудить. — Тогда я перекушу, а ты мне расскажи, что за беда извляла тебя в грязи и выгнала на ночную дорогу.

— Скажи, не слышал ли ты шума в лесу?

— Шума? — удивился Кин Зи, на секунду отвлекшись от очистки золы и кожуры. — Нет, не слышал. Ты вокруг посмотри — кому сейчас шуметь-то? Я бы услышал. Если уж я

тебя услышал шагов за пятьдесят.

— На меня напали. Их было двое, оба из местных. Ты точно ничего не слышал?

— Только двое? — рассмеялся санорра, — Вдвоем нападать на ашфарта Ашхакара? Им стоило позвать на помощь еще с десятков друзей! Но не похоже, что твое беспокойство связано с мыслями об их судьбе. Также не похоже, чтобы это принадлежало кому-нибудь из них. Если, конечно, они перед тем, как напасть на тебя, не переоделись в женскую одежду.

Он указал на скомканную ткань в руке у раг'эш. Саффат смутился. Видно было, что его одолевали сомнения. Кин Зи отложил в сторону неочищенный клубень.

— Послушай, Саффат. Я понимаю, что от хорошей жизни в лесу ночью не прячутся. Но я не гелд, и мне нет дела до того, чем ты перед ними провинился. Так что, если хочешь, расскажи мне, что у тебя случилось. Кто знает — может быть, я смогу тебе помочь?

Раг'эш опустил голову. Кин Зи проследил за его взглядом и указал на лоскут, с которого Саффат не сводил глаз.

— Ты ведь искал ее?

Ночь подобралась к самой темной своей части. Туман, ползущий между деревьями, стал еще гуще, еще холоднее. Последние звуки жизни смолкли, растворились в белой мгле. И в этот момент со дна неглубокой ямы донесся отчетливый негромкий стон.

Над краем ямы показалась перепачканная землей ладонь. Тонкие пальцы судорожно вцепились в землю, скомкав листья. Еще одна рука ухватила за торчащий из земли корень. Влажное дерево потрескивает, когда из ямы на поверхность выбирается совсем еще молодая девушка. На ней отсыревший дорожный плащ, накинутый на простое платье. Один из рукавов платья оторван, а на руке виднеется длинная широкая царапина.

Выбравшись, девушка отползает в сторону и прижимается спиной к дереву. Видно, что поврежденная рука болит — она старается не прикасаться к царапине, когда, обхватив дрожащие от холода плечи, в испуге оглядывается по сторонам.

— Саффат?

В ответ ни звука. Дрожащими губами она продолжает звать:

— Саффат! Саффат, я здесь!

Но лес молчит. Туман вьется вокруг, и страх все ближе подбирается к сердцу.

— Саффат, где ты?

Девушка осторожно поднимается с земли. Она пытается вспомнить, как оказалась здесь, но память отказывается ей помогать. Она помнит, как на краю поляны из тумана появились двое верхом на пэва. Помнит, как Саффат прошептал ей: «Беги. Беги, пока они тебя не увидели. Спрячься рядом за деревьями. Я позову тебя», а потом, поцеловав, подтолкнул к деревьям и закрыл собой от приближающихся наездников. Она успела услышать окрик: «Эй ты, на поляне! А ну, бросай оружие!», а потом рванулась вперед, сквозь кусты, даже не заметив, как ветки вцепились в ткань рукава, оторвав его и расцарапав руку. Сзади послышались крики и звон металла. Потом... Девушка схватилась руками за голову. Нет, ничего не удастся вспомнить. Но поляна должна быть совсем рядом — где же она? Где Саффат, который должен позвать ее?

Вокруг темнота и тишина. В тумане ничего не видно и становится все холоднее.

— Саффат!

Нужно идти. Возможно, он сейчас бродит по лесу, разыскивая ее. Может быть, он уже далеко отошел от поляны и не слышит. А кричать громче наверняка опасно — мало ли, кто может услышать.

Запахнувшись в отсыревший плащ, чтобы хоть как-то согреться, девушка пробирается через кусты, всматриваясь сквозь туман. Она старается расслышать знакомый голос, зовущий ее, или звук шагов в тишине, но слышит лишь свое сбивчивое дыхание. Туман обнимает ее холодными руками, гладит по волосам и прикасается к лицу, оставляя холодные капли, которые смешиваются с текущими из глаз слезами. Иногда ей кажется, что из-под тумана проступает тонкая тропинка, над которой меньше свисающих колючих веток и она старается идти по ней. Рука саднит, рана неприятно подергивается. Да еще и в шее появилась какая-то тянущая боль.

Может быть именно потому, что она смотрела под ноги, ей не удалось заметить, когда в тумане вдруг появился источник неяркого дрожащего света. Прямо на пути горит костер — такой манящий в этой холодной черноте.

Но кто разжег огонь в лесу в такое время? Так хочется ближе к теплу — но не встретит ли около него смерть? Где сейчас те, кто напал на них? Возможно, это они и есть? А, может быть, это Саффат разжег огонь, чтобы она увидела его в темноте? Нужно проверить.

Пытаясь сдержать сбивающееся от холода дыхание и стараясь ступать как можно тише, Она приближается к освещенной костром поляне. Странно, но она совершенно не скрыта туманом, так что ее можно хорошо рассмотреть. И тут девушку настигает разочарование — на поляне нет Саффата и костер разжег не он. У той, что сидит у огня, спиной к темным деревьям, слишком стройный силуэт и очень длинные волосы, чтобы спутать ее с мужчиной.

Женщина в лесу? Одна? В такое время? Но девушка уже не думает ни о чем. Она чувствует тепло огня и видит хоть кого-то, кто может разделить ее одиночество в этой ночи.

— Помогите! Пожалуйста, помогите!

Собрав последние силы, девушка вырывается сквозь кусты на поляну. Сидящая у костра вскакивает на ноги и оборачивается на шум. Увидев ее лицо, девушка замирает на краю освещенного костром круга.

— Санорра?!

Но как же это? Бежать. Бежать назад, в лес! Лучше уж темнота и холодный туман, чем... Но свет костра вдруг начинает гаснуть в глазах, затем поляна резко наклоняется вниз, а потом — темнота.

Потом она почувствовала тепло. Энлиан Светоносная, как же хорошо! Пожалуйста, пусть тепло останется. Пожалуйста...

— Ты — Ольгрид?

Девушка открывает глаза и замечает, что она лежит на просохшей и прогретой земле, недалеко от костра, укрытая широким черным плащом. Ее собственный — мокрый и грязный — сохнет, брошенный на воткнутые в землю ветки. Интересно, откуда плащ? Санорра что ли поделилась?

Сама она сидит рядом. Уставилась своими черными глазами и ждет ответа. С трудом разлепив сухие губы, девушка прошептала:

— Почему ты меня не убила?

На лице у темнокожей появилось удивленное выражение.

— А зачем мне тебя убивать?

— Но ты же санорра...

— Действительно, как я сразу не подумала, — хмыкнула та. — Ну, теперь что уж. Поздно спохватываться.

Она запутила руку прямо в горящий костер и ловко вытащила из углей тускло

блеснувшую металлическими боками флягу. Быстро свинтила с нее крышку, оказавшуюся к тому же и маленьким стаканчиком. В него она осторожно налила из фляги немного темной жидкости. В воздухе остро запахло травами.

— Выпей вот, станет лучше, вот увидишь. И скажи уже, наконец: слово «ОльGRID», выгравированное на медальоне, висящем у тебя на шее — это твое имя?

Укутанная в плащ девушка не спешила брать предложенное питье

— Что это? И что со мной случилось? Что ты со мной сделала, санорра?

Темнокожая вздохнула и опустила стаканчик.

— Это простой настой из трав. Из каких — не знаю, потому что варила его не я, но можешь мне поверить, тот, кто его сделал, хорошо в этом разбирается, так что пей и не бойся. Что с тобой случилось, я не знаю, но, судя по твоей одежде и твоему состоянию — ничего хорошего. Ты с криком выскочила из леса, а потом ни слова ни говоря упала в обморок. За то время, пока ты лежала без сознания я стащила с тебя эту твою грязную мокрую хламиду, счистила с тебя грязь и уложила поудобнее. И сейчас жду, пока ты наконец осознаешь, что здесь тебе никто не желает зла, и дашь напоить тебя укрепляющим и успокаивающим отваром. И когда ты успокоишься, то, возможно, все-таки ответишь на мой вопрос: тебя зовут ОльGRID?

Она снова протянула стаканчик и на это раз девушка его взяла.

— И, будь добра, прекрати звать меня «санорра». Меня зовут Мэй Си, хорошо?

Приподнявшись, девушка осторожно отпила глоток горячего настоя. Вкус был очень даже неплох. Допив остальное, она отдала стакан.

— Спасибо.

Напиток огоньками пробежал по венам, уколол тонкими иглами, согрел, прояснил мысли. Девушка вздохнула, и уже без страха посмотрела на свою неожиданную знакомую.

— Нет, правда, спасибо тебе. Прости, если я тебя обидела. Ты права, меня действительно зовут ОльGRID. Я дочь Хольсварга — правителя Восточного Тара Гельдивайн Тарен.

— Рада тебя видеть, ОльGRID, — кивнула в ответ Мэй Си. — Расскажешь, что с тобой случилось?

Пощелкивают ветки в костре. Тепло огня согревает, успокаивает. И даже не верится, что вокруг залитый туманом холодный лес, в котором происходит что-то страшное.

— Отец хочет, чтобы Диверт стал настоящим городом со своим храмом и настоящей городской стражей. Поэтому Саффат и приехал к нам в крепость — обучать ополчение. На это у него уходила первая половина дня. А всю вторую половину он должен был составлять мне компанию и сопровождать, если я отправлялась погулять за пределы крепости.

ОльGRID улыбнулась.

— Сначала я его боялась. Вид у него был какой-то... дикий. Не поверишь — всю вторую половину дня старалась не выходить из комнаты, чтобы с ним не встречаться. Потом вспоминала это — смеялась. И кто бы мне тогда рассказал, что двух лет не пройдет, и мы часа друг без друга не сможем — расхохоталась бы в лицо и по лбу бы постучала.

Она вздохнула и опустила голову.

— А так все и получилось? — спросила Мэй Си.

— Так и получилось, — грустно кивнула ОльGRID. — Как получилось — не спрашивай. Мое это, не для всех.

Мэй Си промолчала.

— Десять лет он у нас прожил. А срок его службы вышел — пошли мы к отцу вместе. Думали — расскажем ему все. Я к нему и с бедами всегда шла и с радостями. И всегда он выслушает. В горе утешит, в радости — похвалит.

Она снова замолчала.

— А в этот раз?

— Он начал кричать. Говорил ужасные вещи, называл Саффата вором и предателем. Кричал, что лучше бы он ударил его в спину ножом. Меня же называл штакой.

— Кем? — переспросила Мэи Си

— Штакой, девкой, которая не может думать ни о чем, кроме как лечь хоть с кем-нибудь под одеяло. Не особенно выбирая с кем.

— Напрасно это он.

— Я ему так и сказала, — горько усмехнулась Ольгريد. — Тогда он прорычал, что если мы хотим, можем убираться хоть в Бездну, но Саффат за свою службу не получит ни цвейда. Времени нам он дал — пока спустится к клетям, в которых в крепости держат сторожевых полугольвов. Успеем — будем жить. Не успеем — умрем вместе.

Глаза девушки заблестели. Мэи Си смотрела на нее с жалостью.

— Мы побежали. По дороге, не помню даже где, я сдернула со стены этот плащ. Мы бежали, пока не оказались в лесу. Решили переночевать здесь, чтобы не заблудиться в темноте. Но ночью на нас напали. Саффат шепнул мне, чтобы я спряталась. Я отбежала за деревья и слышала, что он бьется с ними. Потом...

Ольгريد закрыла глаза и сжала голову руками.

— Что случилось потом, Ольгрид? — тихо спросила Мэи Си

Девушка закрыла лицо руками.

— Я не помню, Мэй Си. Хочу, пытаюсь вспомнить, но не могу. Я очнулась в какой-то яме. Выбралась. Вокруг тишина. Я звала его, искала. Но не нашла даже дорогу назад на поляну. А потом увидела твой костер.

Она подняла глаза на Мэи Си.

— Спасибо тебе. Я согрелась и пришла в себя. Но я, наверное, пойду. Может быть, он сейчас ищет меня по всему лесу. А, может быть, лежит мертвый под деревьями. Я должна его найти, понимаешь? Живого, мертвого, неважно. Если найду живым — обниму, согрею. Если он ранен — помогу, выхожу. Я с рождения в крепости живу, я умею. Если найду мертвым — оплачу, похороню. А потом... Не знаю, что потом.

Она встала, стянула с плеч плащ и, протянула его Мэи Си.

— Прости, если я тебя обидела.

— Знаешь, я вот что тут подумала, — Мэи Си тоже поднялась с земли, — тут недалеко есть большая дорога. А рядом несколько домов. Любой, кто выходит из леса, обязательно пройдет мимо них. Возможно, там смогут помочь? Мне там не обрадуются, но проводить тебя я могу. Примешь ли ты помощь от санорра?

— Мэи Си...

— Ольгрид, поверь — я могу тебе помочь. Но навязывать тебе свою помощь я не имею права.

— Да о чем ты говоришь! — Ольгрид прижала руки к груди. — Ты уже помогла мне, а теперь еще хочешь...

— Хочу, и буду очень рада. Что ж, тогда давай собираться. — Мэи Си потрогала сохнувший на ветках плащ и покачала головой. — Не просох. Ну да ладно, бери мой, а этот

оставим здесь, может кому-нибудь пригодится. Давай засыпать костер.

Становится все холоднее. Туман выползает за границы леса. Он спускается в низины, накрывает луга, прячет идущую вдоль леса дорогу. В нем растворяются придорожные огни и теряются яркие звезды смотрящие вниз с ночного неба.

Звук тяжелых шагов возникает ниоткуда. Он становится все громче. И, наконец, в белой мгле вырисовываются контуры трех всадников. Их пэва устало шагают рядом, опустив длинные шеи.

Первый всадник едет чуть впереди. Это могучий, словно гедар, черноволосый гельд. Плотный плащ, хорошей выделки, наброшенный на его плечи, спадает волнами и скреплен на широких плечах тонкой цепью из дорогого металла. Через плечо переброшена темная же перевязь, украшенная искусно вышитым. Такой же узор на краях широких рукавов его одеяния и на обруче, который поблескивает в седеющих волосах. Всадник погружен в собственные мысли. Одной рукой он держит поводья своего пэва, а другой оперся на рукоять тяжелого двойного топора с широким лезвием, закрепленного у седла.

Его спутники одеты много проще, да и оружие их не украшено столь богато. Чуть отстав, они молча едут рядом, также думая о чем-то своем.

Внезапно едущий впереди прерывает молчание.

— Хайен...

— Да, Хольсварг? — откликается один из едущих позади.

— Как далеко ты проехал по западной дороге?

— На расстояние двух переходов, Хольсварг. По дороге мне попались две корджи с постоянными дворами. Я поговорил с обоими корцве — ни один их не принимал.

— Возможно, они проехали мимо?

— Им не на чем было проехать. Все пэва в своих стойлах, в окрестностях Диверта они не появлялись, повозок не нанимали. Ты же понимаешь, что они не могли пешком преодолеть расстояние в два перехода за четыре часа?

Всадник молчит. Потом задает еще один вопрос:

— Ковтель, а ты как далеко добрался?

Второй спутник вздыхает. Видно, что этот вопрос он слышит уже не в первый и не во второй раз.

— Я проехал на полтора перехода вдоль Болот. Добрался до Серых Холмов и осмотрел с них окрестности. Дальше, в трех переходах — уже земли Санорра. Не думаю, что они могли бы отправиться туда.

— Верно, верно... — тихо отвечает едущий впереди и снова опускает голову.

Ковтель и Хайен переглянулись.

— Лес мы тоже осмотрели, насколько это было возможно, — сказал Хайен, не дожидаясь вопроса. — Хольсва, я понимаю твои чувства, но какой смысл в поисках, когда вокруг такой туман? Многого мы добились, отправившись ночью в лес? Разве что сами, похоже, заблудились.

— Да и кто в здравом уме будет прятаться в лесу? — добавил Ковтель. — Говорю тебе — завтра возьмем ополченцев и как следует тряхнем корджи по дороге на запад. Наверняка корцве хоть что-нибудь, да вспомнят.

Возможно, кто-то другой и не решился бы возражать тарну, но они трое знали друг друга с детства, были дружны всю жизнь и вместе повидали очень много такого, о чем никогда никому не рассказывали даже на шумных праздниках.

— Без шуток, Хольсва, мы, похоже, основательно заплутали. Ехали бы мы к Диверту — лес давно бы уже остался позади, и начались бы поля. А ты смотри — вон он стоит стеной справа. И дороги не видать в тумане. Не хватало еще, чтобы пэва подвернул ногу — они же слепые в темноте. Давай искать дорогу домой, говорю тебе.

Хольсварг молча кивнул. Он и до утра был бы готов бродить по округе, разыскивая дочь, но понимал, что пользы от этого в таком тумане не будет никакой. Сейчас он ненавидел себя за приступ ярости, свидетелями которого стали Ольгрид и Саффат, жалел о каждом сказанном слове.

О, сколько он бы отдал сейчас за то, чтобы иметь возможность обнять дочь, сказать ей, что она уже взрослая и может решать сама. Что благородный Саффат на самом деле заслужил уважение всех, кто его знал, включая и самого тарна, его служба была безупречной, а поведение — безукоризненным. И если таков ее выбор, то он как отец только рад. Он бы обнял и ее, и молодого раг`эш и они вернулись бы в Диверт вместе: тарн, его любимая дочь, ее будущий муж и двое его самых близких друзей.

Уже в который раз он напряг уставшие глаза, вглядываясь в ползущий туман, пытаясь увидеть хоть что-нибудь. Вдруг его рука натянула поводья, и он приподнялся на стременах. Пэва дернул головой и недовольно фыркнул, но тарн не обратил на него внимания.

— Хольсва, что такое? — Хайен остановился рядом и тоже принялся вглядываться вперед.

— Мне кажется, или вон там свет у дороги? — Ковтель протер глаза и прищурился.

Хольсварг с трудом сдержался от того, чтобы погнать своего пэва во весь дух, чтобы он бегом преодолел расстояние до мерцающего отсвета. Его сердце бешено колотилось, когда он, снова сев в седло, тихо сказал.

— Давайте посмотрим.

Потом тронул поводья и добавил еще тише:

— Будем надеяться на то, что наши поиски закончились.

Но каково же было его разочарование, когда, подъехав ближе, он увидел, что у маленького, всего в пару толстых веток, костерка, опершись спиной на ствол растущего рядом дерева, расположился необычного вида субъект. Вытянув ноги, он рассматривал троих приближающихся вооруженных всадников со спокойным выражением на темном лице.

— Санорра... — пробормотал Хайен, положив руку на рукоять топора.

— Спокойно, — Хольсварг придержал его ладонь. — Если бы он хотел нас убить — ты бы не успел схватиться за оружие. Давай поговорим с ним. Мало ли, вдруг он видел Ольгрид и Саффата.

— Сомневаюсь, — пробормотал Ковтель — Но вот где мы и как добраться до Диверта он наверняка нам подскажет. Потому что я в этом проклятом тумане вообще ничего вокруг не узнаю.

Пэва остановились у края дороги, всего в нескольких шагах от сидящего.

— Мирной ночи и доброго пути, — произнес Хольсварг, — что привело жителя Эш Гевара так далеко от дома?

— И ваш путь пусть будет легким, — мирно ответил сидящий. — В такое время удача на дороге всегда в цене.

— Мы возвращались в Диверт, но, похоже, в тумане сбились с пути.

Санорра кивнул.

— С пути вы сбились гораздо серьезнее, чем вам кажется. Будьте уверены, так вам

домой не попасть.

— Ты хорошо знаешь окрестности? — спросил Ковтель.

— Достаточно для того, чтобы сказать, что путь, которым вы следуете, в который раз уводит вас все дальше от дома.

— Все дальше? — Хольсварг открыл небольшой футляр, висящий у седла, и развернул свернутую в трубку карту. Но разглядеть ничего не смог: темно, да еще и туман, будь он неладен. — На восток или на запад?

Санорра на карту даже не взглянул.

— Намного дальше. Поверьте мне, намного дальше, — он потянулся и легко поднялся с расстеленного на земле плаща. — И карта вам тут не поможет. Не все пути можно нарисовать на бумаге. Порой не обойтись без проводника.

Гельды переглянулись. Ковтель пожал плечами.

— И, как я понимаю, ты хочешь предложить нам свои услуги? — спросил Хольсварг, убирая карту назад в футляр. — И сколько же ты просишь за них, санорра?

— Тэи Зи. Не нужно называть меня «санорра» у меня есть имя. Так же, как и у вас, хоть вы их и не назвали, — он накинул плащ на плечи и подошел поближе к дороге. — Мне не нужны ваши деньги и я не хотел предлагать вам никаких услуг. Я предложил вам помощь. И, поверьте мне — она вам необходима. Впрочем — решайте сами. В любом случае — я иду в ту сторону и мне пора.

Тарн побарабанил пальцами по луке седла. Несколько секунд он рассматривал Тэи Зи, стоящего рядом и спокойно смотрящего на него снизу вверх. По сравнению с тремя крупными вооруженными гельдами, сидящими в седлах, он выглядел совершенно безобидно.

— Ну что же, Тэи Зи, твоя помощь нам, кажется, действительно пригодится. Только, уж не взыщи, придется тебе идти пешком. Пэва чужого на спину не пустит.

— В таком случае, следуйте за мной. И поспешим — время дорого.

Он направился вперед по дороге и всадники последовали за ним. Спустя несколько минут Ковтель тронул тарна за локоть.

— Хольсва, послушай... А ты помнишь в окрестностях Диверта мощеные дороги?

Он указал вниз. Действительно пэва уже ступали не по земле, а по старой, сбитой, но действительно — вымощенной камнями дороге. Хольсварг покачал головой.

— И куда же мы в таком случае идем? — спросил Ковтель

— Эй, санорра, то есть... как тебя там... — позвал Хайен, — а что это за дорога? И куда ты нас ведешь?

— Здесь недалеко перекресток, — ответил Тэи Зи. — Я провожу вас до него. Надеюсь, что после вы уже не заблудитесь.

— И далеко этот твой перекресток?

— Он не мой, он ваш. Уже близко.

Вскоре Хольсварг заметил, что туман начал редеть. Он становился все прозрачнее и, вдруг, словно расступился в стороны, освободив широкую площадку. Захотелось всей грудью вдохнуть чистый прохладный ночной воздух, свободный от влажных холодных капель.

Однако, никто из гельдов, казалось, не испытал облегчения. Они с растерянным видом осматривались по сторонам, не узнавая места.

— Послушай, санорра, ты сказал... — начал было Хайен, но Хольсварг вдруг схватил его за локоть.

— Тихо! Слышишь?

Из темноты послышались шаги и голоса. Услышав их, Ковтель судорожно сглотнул и сжал поводья. Хайен, который прервался на полуслове, нахмурился, пытаясь лучше расслышать приближающийся из темноты разговор.

— Ты уверен, что она придет сюда?

— Другой дороги из леса просто нет.

— Туман этот еще. Но, мне кажется, или он становится реже?

— Похоже, да. Давай поторопимся, мы почти на месте.

Повод, который держал в руке Хольсварг, тихо зазвенел — у него затряслись руки. Пэва, приняв это за команду, шагнул вперед. Расширившимися глазами тарн смотрел на две тени, вышедшие из тумана.

— Са... Саффат? — прошептал Хольсварг. Его горло вдруг пересохло, а язык отказался повиноваться.

Но раг`эш его услышал. Он одним прыжком вырвался из окружающего перекресток тумана на чистое пространство. Пика, которую он держал в руках, описала круг, со свистом и шумом вспоров воздух. Направив ее острие на всадников, Саффат зло прищурился и оскалил острые зубы, разом превратившись в воплощение дикой ярости раг`эш.

— Что, тарн Хольсварг, ты решил лично проверить, как посланные тобой отработали деньги? Как видишь, я жив. А Ольгрид? Или ты уже избавился от пятна на своем роду, как и обещал?

Снова боль пронзила бок и грудь. Да такая сильная, что аж в глазах потемнело на секунду.

— Саффат! — Кин Зи протянул к нему руку, — Подожди, послушай...

Наконечник снова описал круг, едва не чиркнув острием по лицу санорра.

— Отойди! — прорычал раг`эш. — Почему ты не убил меня на месте, грязный наемник?! Он приказал тебе сделать это у него на глазах?!

— Да послушай!

— Хапше! Назад, я сказал!

Побледневший Ковтель во все глаза смотрел на Саффата. Его губы шевелились, а рука стискивала рукоять меча, всеящего на поясе.

— Не может этого быть. Не может быть... — повторял он без конца.

Хайен спрыгнул на землю и, отцепив оружие от седла, осторожно начал подбираться к отступающему к границе тумана раг`эш. Тэи Зи, о котором все забыли, стоял на обочине и наблюдал за происходящим.

— Саффат, — тихо произнес дрожащими губами Хольсварг, — Саффат, где Ольгрид?

— Ты не знаешь, где она? — раг`эш хрипло рассмеялся. — Значит, она жива. Значит, ни ты, ни твои убийцы еще до нее не добрались!

— Закрой пасть, тварь краснокожая! — прокричал Хайен, подбираясь ближе. — Ты же сам напал на нас в темноте!

Не отрывая глаз от раг`эш, Хольсварг спрыгнул на землю, вынул из седельного зажима свой тельдар, и перехватив рукоять обеими руками, двинулся к Саффату. Лицо тарна было белее окружающего перекресток тумана.

— Где моя дочь? — повторил он.

— Саффат, опусти оружие, — еще раз попросил Кин Зи, держась на расстоянии.

— Прямо в сердце... Я ударил прямо в сердце. После такого не поднимаются... — шептал трясущийся Ковтель. — Не поднимаются...

Тарн продолжал медленно приближаться к стоящему у самой границы тумана Саффату. Тот уже приготовился к бою, заняв удобную для обороны позицию.

— Я в последний раз спрашиваю, — Хольсварг поднял топор, втянул воздух сквозь сжатые зубы и вдруг сорвался на крик. — Где ОльGRID?! Что ты сделал с моей дочерью?!

— Отец!!!

Этот крик, раздавшийся из тумана, заставил всех обернуться.

Спустя секунду послышались быстрые легкие шаги и две девушки, выбежали на открытое пространство. Одна из них, оглядевшись, бросилась к раг`эш.

— Саффат!

Прижавшись к нему, она изо всех сил обхватила его руками. Сам ашфарт, забыв, казалось обо всем на свете, бросил на землю пику и стиснул ее в объятиях, повторяя без остановки ее имя.

— ОльGRID...

— ОльGRID, — Хольсварг опустил оружие, и на его лице появилось выражение невероятного облегчения — Ты цела? С тобой все хорошо?

Девушка испуганно посмотрела на отца и крепче прижалась к Саффату. Она уже открыла рот, чтобы что-то ответить, но не успела.

Вдруг откуда-то издали раздался спокойный звон большого колокола.

— Полночь, — Мэи Си подошла к Кин Зи. Тот накинул свой плащ ей на плечи.

— Мы успели.

Звук размеренных ударов плыл в черном небе, наполняя мир покоем. Они вливались в туман и белая мгла растворялась, истаивала, не оставляя и следа в ночном воздухе. Запахло травами, листвой, теплой пылью дороги. Тихий шелест долетел со стороны леса, теперь совершенно не страшного. Рассыпанные по черному небу древние звезды молча смотрели на происходящее с высоты.

Ковтель удивленно оглянулся по сторонам:

— Где это мы?

Вдали, на холме, светились множеством желтоватых окошек дома, поднимающиеся к пологой вершине. Над ними виднелся острый шпиль, на котором был укреплен светильник.

Рядом с перекрестком под заботливо установленным резным навесом стоял большой камень. В верхней его части было выдолблено небольшое углубление, в котором покачивался и дрожал огонек в маленьком светильнике. Часть камня была отшлифована и на ней была вырезана какая-то надпись

— Я не понимаю, — ответил Хайен, — все как будто знакомое, но выглядит каким-то...

— Каким-то другим, — закончил за него Хольсварг.

Он повернулся к стоящим в стороне санорра:

— Что это за место?

Тэи Зи указал ему на камень.

— Прочтите что написано на камне, тарн Хольсварг. В этой надписи — ответ на все ваши вопросы.

Услышав собственное имя Хольсварг вздрогнул.

— Ты знаешь меня? Но это значит... Там, у дороги, ты ждал нас?

— Прочтите, надпись, тарн, — сказал Кин Зи. — Прочтите — и после этого мы ответим на все ваши вопросы.

Тарн подошел к камню. Было заметно, что, за ним ухаживают — он не покрылся многолетними слоями пыли, да и цветы вокруг, тоже явно не выросли сами, а были посажены чьими-то заботливыми руками. Деревянный навес, под которым лежал камень, тоже был сделан со старанием. И он сам, и столбы, которые поддерживали его, были украшены сложной резьбой.

Хольсварг наклонился ближе к отшлифованной поверхности, чтобы прочитать высеченную надпись.

— «Откуда ни вела бы тебя дорога, остановись и почти это место. Ибо здесь...»

Вдруг он резко обернулся,

— Ибо здесь покоится Хольсварг, правитель Восточного Тара и основатель города Диверт. Да утешится он в своей печали и обретет вечный мир, — громко произнес Кин Зи. — Именно так здесь и написано. Это ваша могила, тарн.

Ольгрид испуганно вскрикнула.

— Моя могила?! — Хольсварг пригнулся и поднял тельдар, — самонадеянно, санорра...

— Опустите оружие, Хольсварг, — попросила Мэй Си — Присмотритесь — этот камень лежит здесь уже очень давно.

Что-то в ее голосе заставило тарна снова повернуться к камню. И он увидел многочисленные следы, оставленные на нем временем. Хольсварг провел ладонью по

отполированному дождями, солнцем и ветром столбу и понял, что дерево тоже было очень-очень старым.

Словно слепой, он прикоснулся к вырезанным буквам, и вдруг, закрыв глаза, покачнулся, ухватившись за холодный камень.

— Папа! — Ольгрид рванулась было к нему, но Саффат удержал ее.

— Триста лет назад, вы, Хольсварг, завещали похоронить себя здесь, у перекрестка, — спокойно ответил Кин Зи. — Вы до последнего мгновения верили, что ваша дочка, Ольгрид, пропавшая за тридцать лет до того — жива. Так верили, что даже после смерти были готовы ждать ее здесь, у обочины дороги. Такова была ваша воля и ваши друзья, Ковтель и Хайен, исполнили ее. Они искренне любили вас и разделяли ваше горе, которое за годы не стало слабее. И только они знали, что и Ольгрид, и Саффат уже тридцать лет как мертвы.

Бросившиеся было на помощь другу Ковтель и Хайен остановились как вкопанные.

— В тот день, когда все это случилось, успокоившись, вы поняли, какую страшную ошибку совершили, — продолжила Мэй Си. — Но сначала вы долго не могли решиться пойти к дочери, попросить прощения, сказать, что он на самом деле гордится ее выбором и желаете ей счастья. А когда, наконец, пересилили себя, то обнаружили, что ни Ольгрид, ни Саффата нигде нет — испуганные вашими, угрозами, они покинули крепость.

Хольсварг схватился за голову. Ему казалось, что еще мгновение — и она разлетится на части под напором того потока мыслей и воспоминаний, что хлынул в нее. Когда он взглянул на Мэй Си, в его глазах поднимался ужас. А она продолжала:

— Хайен и Ковтель — два ваших ближайших друга, единственные, кому вы рассказали всю правду о случившемся, отправились на запад — по дороге на Хейран и на юго-восток — в сторону границы с землями Санорра. Вы просили догнать беглецов, попросить у них прощения от вашего имени и по возможности — вернуть их назад. Но ни в коем случае не принуждать. Но ни на той, ни на другой дороге, никаких следов Ольгрид и Саффата обнаружить не удалось.

— Потратив день на поиски, Хайен и Ковтель вернулись в Диверт поздним вечером. Но, увидев, что вы, находите себе места от волнения, решили объехать лес в окрестностях города, — заговорил Кин Зи, глядя прямо в неподвижные глаза тарна. — К тому времени, как они добрались до леса, он был весь закрыт плотным туманом. Зная, что в лесу беспокойно, они ехали медленно и очень осторожно, когда внезапно увидели появившийся в тумане силуэт вооруженного мужчины. Хайен приказал ему бросить оружие и сдаться, но неизвестный вместо этого бросился в бой. Узнать в нем Саффата они не успели, да и не могли — одет он был в обычную для этих мест одежду, да еще и голову закрыл капюшоном от влажного тумана. Бой был недолгим. Справиться с двумя лучшими бойцами Диверта он не смог и через несколько секунд упал на землю с пронзенным сердцем.

Лицо Саффата окаменело, рука, обнимавшая Ольгрид, сжалась в кулак так, что захрустели пальцы. Но он не сказал ни слова.

— Сняв с убитого капюшон, Ковтель и Хайен пришли в ужас. Проклиная себя, ночь и туман, они принялись звать Ольгрид. Но им никто не отвечал. Они подумали, что девушка могла спрятаться рядом, и принялись искать вокруг поляны. Сначала нашли брошенный плащ, запутавшийся в кустах, затем — и ее саму.

Вдруг Ольгрид изменилась в лице. Задрожав, она коснулась пальцами висков. Ноги у нее подогнулись и, опустившись на землю, она изо всех сил вцепилась в голову руками и тихо застонала.

— Я вспомнила... Я вспомнила...

Треск ткани, отрывается рукав, колючки цепляются за старый плащ, не выпускают. Она сбрасывает его, прячется за деревья. Перепрыгивает канаву. Слышит сзади звон металла, поворачивается, делает шаг назад, потом еще один. И тут нога подворачивается, съезжает по скользкой грязи. Падая, она вскрикивает, пытается за что-нибудь ухватиться. Потом удар и резкий хруст...

— Она лежала совсем рядом за деревьями. Поскользнувшись, она упала в яму, которую не заметила из-за тумана, и, ударившись о торчащую ветку, сломала шею.

Присев рядом, Саффат обнял Ольгрид. Уткнувшись лицом в его грудь, она беззвучно заплакала. Раг`эш гладил ее по волосам и тихо шептал что-то, пытаясь успокоить.

— Не зная, что делать, Хайен с Ковтелем просидели на страшной поляне больше часа, думая, как рассказать своему вам о том, что случилось. Не собственная судьба их страшила. Они ни на секунду не размышляли о том, как избежать наказания за невольное убийство Саффата. Но как рассказать отцу о гибели единственной дочери? И долго ли он сможет жить с мыслью о том, что сам отчасти стал причиной ее смерти? И они приняли решение: скрыть от вас произошедшее. Друг другу они дали слово ни словом, ни делом никогда не выдавать этой страшной тайны и, помогать вам в безнадежных поисках, оберегая от страшной правды, пока время не излечит боль в вашем сердце. Пока вы не смиритесь с тем, что никогда более не увидите Ольгрид. После этого пришла пора позаботиться о мертвых. Укрыв тело Ольгрид плащом, который она оставила лежать на ветках, они похоронили ее здесь же, около поляны. В нескольких шагах от нее они предали земле Саффата. Они оказали ему последние почести, как славному воину, оставив рядом оружие и броню и прикрыв его плащом. После этого они вернулись в Диверт.

— И они сдержали свою клятву, — заговорил Тэи Зи. — Тридцать долгих лет они были самыми надежными вашими помощниками, самыми верными и преданными соратниками. Они без возражений исполняли все ваши поручения, связанные с поисками следов Ольгрид и Саффата, хоть и знали, что они не принесут никаких результатов. Пытаясь отвлечь от тоски по дочери, они вовлекали вас в работы по обустройству города. Они настояли на том, чтобы вы переехали в новый дом, надеясь, что вне старых стен Диверта воспоминания хоть немного ослабнут. Но годы не принесли вам облегчения. И вашими последними словами были: «Я хочу ждать ее у дороги, на перекрестке...»

— Я чувствую, что однажды она придет... — прошептал Хольсварг.

Тэи Зи кивнул.

Слушая рассказ санорра, Ковтель стоял рядом с опустившим голову Хайеном. Теперь он понимал, какой была цена их клятвы, произнесенной на ночной поляне: «Покуда Хольсварг не утешится, мы будем рядом с ним».

Тарн снова закрыл глаза. А когда открыл их вновь — в его взгляде была вся тяжесть осознания случившегося.

— Триста лет... — тихо прошептал он.

— Да, тарн Хольсварг. — ответила Мэи Си.

— И теперь...

— И теперь мы должны поговорить, — сказал Кин Зи

— Мы не знаем, какие силы держат вас привязанными к этому месту. Но каждый год, в одно и то же время, вы тщетно искали друг друга в темноте, не помня и не понимая того, что произошло. В прежние годы ночь и деревья скрывали вас. Но когда Диверт начал расти и

гельды стали расчищать лес, в дни осенних праздников они невольно начали сталкиваться с вами. И не для всех эти встречи закончилась благополучно.

Хольсварг опустил голову. Мэй Си подошла к нему.

— Так больше продолжаться не может. Сегодня, так, или иначе, все должно разрешиться. Пришло время вам, наконец, встретиться, сказать друг другу все, что не было сказано. Не упускайте эту возможность. Более ее не представится.

Хольсварг тяжело кивнул головой. Мэй Си вернулась к обочине дороги. В своей черной одежде санорра растворились в ночной темноте.

Тарн посмотрел на свою дочь, плачущую в объятиях Саффата. Раг'эш заметил его взгляд и собрался было что-то сказать, но Хольсварг приложил палец к губам. Сейчас им лучше было побыть вдвоем. Ему же предстоял очень тяжелый разговор.

Он направился к Ковтелю и Хайену. Не дойдя пары шагов, он остановился и оперся на рукоять тельдара. Некоторое время они молча стояли друг напротив друга. Затем Хайен сделал шаг вперед.

— Говори, Хольсва, не тяни. Нам и добавить нечего — темнолицые все рассказали. Оправдываться нечем. Любую кару примем.

— Виноваты мы перед тобой, — добавил Ковтель. — И перед тобой, и перед ними.

Тарн молчал. Хайен отстегнул от пояса свой топор, и, тяжело опустившись на колени прямо в дорожную пыль, положил его перед собой, к ногам Хольсварга. Затем он склонил голову, словно подставляя шею под удар. Ковтель снял ножны с вложенным в них мечом и встал на колени рядом с Хайеном.

— Скажи мне, Хайен, — спросил тарн, глядя на своих друзей сверху вниз, как палач смотрит на приговоренных к смерти преступников, — сейчас, когда все открылось, не жалеешь ли ты о том, что сделал?

— Жалею, тарн, что не разглядел в темноте Саффата. Жалею, что не мог обменять свою жизнь за жизнь Ольгрид. — ответил Хайен, не поднимая головы. — Но о том, что скрыл от тебя ее смерть — не жалею. Казни меня за это, но я твой друг и всегда был им. Поэтому, поступил так, как поступил.

— А ты, Ковтель?

Ковтель покачал склоненной головой.

— Верши свой суд, Хольсва, — сказал он. — К словам Хайена мне прибавить нечего. Только прошу тебя — скажи Саффату, что его смерть до сих пор лежит камнем на моей совести.

Услышав, как скребнула по камням сталь, когда Хольсварг передвинул по земле тельдар, Хайен закрыл глаза. Наверное, санорра сказали правду и все они и так давно уже мертвы, но почему же тогда так тяжело давит в груди, где сердце? Хочется только одного — забвения, в котором не будет такой неподъемной тоски.

И вдруг Хольсварг произнес два слова, к которым он совершенно не был готов:

— Спасибо вам.

Ковтель поднял голову. Хайен тоже посмотрел на тарна.

— Спасибо вам, друзья мои, — повторил Хольсварг, протягивая им руку. — Спасибо за то, что позаботились об Ольгрид, не бросили ее лежать в лесу. Спасибо за то, что почтили Саффата, верно служившего Диверту. Спасибо за то, что хранили эту тайну от всех и особенно — от меня. И за то, что не оставили меня — спасибо.

Он грустно улыбнулся и добавил.

Встаньте. Я более вашего заслужил стоять на коленях.

Хайен и Ковтель поднялись с земли. Хольсварг крепко обнял сначала одного, затем другого.

— Друзья? — спросил он

— До самой смерти, — ответил Хайен.

— И даже больше, — сказал Ковтель.

Краем глаза Хольсварг увидел, что Саффат и Ольгрид направляются к ним.

— Идемте, — сказал он — Вот перед кем мы все должны просить прощения.

Увидев, что тарн и два его друга идут к ним, Саффат и Ольгрид остановились. Хольсварг тоже не решился подойти близко. Минуту они стояли молча друг напротив друга. Тарн смотрел на свою дочь. Сейчас, немного растрепанная, со следами недавних слез на лице, в слишком длинном для нее черном плаще, она так напомнила ему ту маленькую девочку, которую он в детстве качал на коленях. Которая прибегала к нему и, плача, показывала порезанный палец, или сбитый в кровь после неудачного падения локоть.

Сейчас она смотрела на него настороженно, даже со страхом. А он... Он столько раз представлял себе эту сцену! Столько добрых слов приготовил, чтобы сказать ей! Им обоим. И вот сейчас чувствовал, что не может ни вспомнить, ни произнести ни одного из них. Горло сдавил горячий ком. Воздуха в груди не хватало. Уронив на землю тельдар, не в силах произнести ни звука, он просто протянул к дочери руки и она бросилась к нему.

— Папочка!

Тридцать тяжких лет и три неподъемных столетия одновременно вдруг рухнули наземь с его плеч, словно чья-то рука разорвала приковавшие их цепи. Прохладный ночной воздух ворвался в грудь и обжег ее изнутри, огнем поднялся к глазам и прорвался наружу с хлынувшими слезами.

— Девочка моя. Доченька. Родная, хорошая моя, — повторял он не замечая ничего вокруг. — Ну успокойся, не плачь. Теперь все хорошо. Теперь все будет хорошо.

И почему-то он был уверен, что так все и будет.

Когда Ольгрид немного успокоилась, он поцеловал ее в лоб, как делал когда-то очень-очень давно и повернулся к стоящему рядом Ашфарту.

— Саффат, — твердо произнес он, справившись с волнением — Между нами произошло много такого, о чем я жалею. И Энлиан Светоносная пусть будет мне свидетельницей — я ничего бы не пожалел, если бы мог вернуть все назад, чтобы этого никогда не случилось.

— Тарн Хольсварг...

Но тарн поднял руку, прервав его.

— Хайен, Ковтель, подойдите, — позвал он, и когда они встали рядом с ним, он продолжил — я даю тебе слово тарна Диверта, клянусь тем, что всегда было для меня дороже всего — именем своей дочери и моей любовью к ней — ни один из моих друзей, никогда не желал зла ни тебе, ни Ольгрид. Я отправил их на ваши поиски не для того, чтобы силой вернуть домой, но для того, чтобы они рассказали о том, как я виню себя за сказанное. Они должны были рассказать вам, что если когда-нибудь вы сможете простить меня за все, что я сказал, то я был бы рад видеть вас в Диверте, как мужа и жену. И неважно, когда это произойдет — для вас всегда будут открыты двери и готовы самые уютные комнаты.

Ольгрид посмотрела на отца и на ее лице появилась улыбка. На лице раг`эш отобразилось сильное волнение. Саффат шагнул навстречу тарну. Но тот снова поднял руку и он остановился.

— Ты должен знать — Хайен и Ковтель отправились в лес по моему приказу. И поэтому не они, а я несу ответственность за то, что произошло. За твою жизнь, за жизнь Ольгрид, за все те муки, что мы все перенесли — вина лежит на мне.

Он мягко отстранил Ольгрид и подошел ближе к Саффату.

— Сафат, ты не пожалел собственной жизни, защищая мою дочь, А я повел себя недостойно правителя, отца, и мужчины. Смогу ли я просить твоего прощения?

Саффат сжал руку в кулак и приложил ее к груди.

— Тарн Хольсварг, я не держу зла ни на тебя, ни на кого другого. В том, что случилось достаточно и моей вины. Мне стоило вести себя сдержаннее, а не бросаться в бой, не выяснив, кто передо мной и каковы его намерения. Я готов служить тебе, если на то будет твоя воля, потому что я не представляю без Ольгрид ни своей жизни, ни смерти. Позволь мне быть вместе с ней — и я клянусь священным пламенем Эшге — у нее не будет более верного защитника и любящего мужа!

Он опустил на колено и, подняв с земли свою пику, ударил ее концом в землю.

— Ольгрид, — тарн взял дочь, слезы которой уже высохли, за руку — Саффат просит у меня твоей руки. Он благороден, смел, предан — и я никогда не пожелал бы для тебя лучшего мужа. Но — решать тебе.

Саффат поднял голову. В его взгляде светилась радость. Ольгрид ответила ему взглядом и повернулась к отцу.

— Отец, с твоего разрешения я стану его женой с радостью и без страха.

— Что же, так тому и быть.

Тарн протянул руку коленопреклоненному Ашфарту.

— Встань Саффат, ашфарт Ашхакара, защитник пламени. Встань и подойди.

Ашфарт поднялся с колен и подошел к нему. Взяв его за руку, Хольсварг соединил ее с ладонью дочери.

— Здесь и сейчас, я Хольсварг, тарн Восточного Тара, добровольно и при свидетелях объявляю вас мужем и женой. — он помедлил секунду, а затем добавил: — Да будет так!

— Да будет так! — повторили за ним Ковтель и Хайен.

Вдруг вокруг посветлело. Не сильно — словно рассвет вот-вот собирался показаться из-за горизонта. Над дальними холмами появилось чуть заметное светлое зарево.

Саффат и Ольгрид его, конечно, не заметили, потому что не сводили глаз друг с друга, а Хольсварг не отрывал взгляда от дочери, но Ковтель обратил внимание на то, что ночная темнота немного рассеялась. Он посмотрел на горизонт и толкнул локтем Хайена.

— Смотри. Солнце что ли встает?

— Ты что, какое солнце? Едва полночь прошла. — удивился тот. — А где санорра? Может, они знают?

— Нет, не знают, — услышал он в ответ.

Мэй Си и Тэй Зи уже стояли рядом и точно так же осматривались по сторонам.

— Посмотрите... — Тэй Зи указал в сторону холмов, где всю ночь светились огни в окнах Диверта и на фоне ночного неба темнел шпиль храма с горящим на его верхушке огоньком.

Сейчас в ночи не мерцало ни одно окно. Более того, рядом с холмом более не было города — лишь с десятков аккуратных крестьянских домов, разбросанных у его подножья. Исчез храмовый шпиль — вместо него на вершине холма виднелись силуэты крепких сторожевых башен и высоких стен. На башнях и стенах кое-где горели костры — совсем

крошечные отсюда огоньки.

— Тэи, — прошептала Мэи Си, — это же старый Диверт.

— Такой, каким он был триста лет назад, — кивнул Тэи Зи.

Из крепости послышался протяжный громкий звук. Услышав его, Хольсварг вздрогнул. Он обернулся и впервые увидел, что происходит вокруг.

— Энлиан Светоносная, — он прищурился, глядя на силуэт крепости, виднеющийся на фоне посветлевшего неба. — Это что — рог нашей стражи?! Ольгрид, Саффат, смотрите!

К стоящим подошел Кин Зи.

— Вы видели? — спросил он, кивнув в сторону темного крепостного силуэта на посветлевшем горизонте. — А теперь посмотрите под ноги.

— Вот эту дорогу я узнаю, — удовлетворенно кивнул Хайен.

Дорога изменилась. Ровно уложенные один к одному камни, превратились в простую землю, утопанную множеством ног.

Второй раз протяжно протрубил рог со стен крепости.

— Да что же происходит-то? — с волнением спросил Хольсварг.

Санорра переглянулись.

— Полагаю, они волнуются за своего тарна, уехавшего из крепости среди ночи, — ответил ему Кин Зи. — Трубят в рога, чтобы вы могли найти дорогу домой.

— Но как же это возможно, если...

— Если честно — я не знаю. Но стоит ли разбираться в этом сейчас? — пожал плечами санорра. — Вот ваш дом. А вот дорога, которая ведет к нему. Зачем же терять время? Разве вы не достаточно долго ждали?

Рог протрубил еще раз.

Хольсварг посмотрел по сторонам. Рядом с ним стояли его дорогая Ольгрид и ее любящий муж, двое верных друзей, разделивших с ним целую жизнь. Он взглянул на слабый свет, тихо мерцающий над горизонтом, на крепостные стены и башни, на дорогу, что вела к холмам. И впервые за очень долгое время он ощутил, как его охватывает чувство покоя и радости. Словно тысячи маленьких стеклышек сложились в сложный витраж, и сквозь него в сознание хлынул поток теплого света.

Он улыбнулся и хлопнул по плечу Ковтеля

— Ну что, Ковтель, уступишь своего пэва молодоженам? Уж до ворот-то доедите с Хайеном на одном?

— С чего это на моем-то? — возмутился Ковтель — А своего не хочешь дать?

— Так он же старый уже! Куда ему двоих-то?

— Мой, можно подумать, молодой.

— Садись, говорю, к Хайену, а то сейчас пешком пойдешь! И моего приведите.

Ковтель с Хайеном отошли к стоящим в стороне пэва. Хольсварг повернулся к Ольгрид и Саффату.

— Садитесь на пэва. Я должен кое-что сказать нашим друзьям.

Кивнув, Саффат и Ольгрид пошли следом за Ковтелем и Хайеном. Хольсварг же повернулся к стоящим рядом санорра.

— Никаких слов не хватит, чтобы отблагодарить вас. — сказал он.

— Значит, не тратьте на это время, — ответил ему Кин Зи. — Лучше посвятите его тем, кого любите. Радуйтесь их обществу и ни о чем более не волнуйтесь.

— Скажите мне честно — вы знаете, что нас теперь ждет?

— Мир, — ответил Тэи Зи. — Мир, которого вы уже давно не знали. Только мир и покой.

Тарн кивнул.

Затем он наклонился, поднял свой тяжелый тельдар, лежащий рядом на земле, рукавом стер с него пыль.

— Эта ночь заставила меня многое вспомнить. Много, что омрачает мою радость. Могу ли я просить вас об услуге?

— Все, что будет в наших силах, тарн.

Херсвальд протянул им свое оружие.

— Я прошу вас передать его жителям Диверта. Скажите им, что я прошу у них прощения за все то, что им пришлось пережить по нашей вине.

— Я обязательно передам им это. — Кин Зи принял подарок и бережно поставил рядом, придерживая за рукоять.

— Поблагодарите их также за добрую память. И... Знают ли они о том, что произошло в нашей семье?

Санорра покачал головой.

— Расскажите им все. Пусть узнают правду.

— Хорошо, тарн Хольсварг.

Рог с крепостной стены пропел в третий раз. Послышалось громкое сопение. Тарн положил руку на шею пэва, которого подвели ему, и легко запрыгнул в седло.

— Будьте счастливы! — он натянул поводья и махнул рукой следующим за ним: — Нас ждут. Едем домой!

Его пэва легко зашагал по дороге, ведущей к холмам. Следом за ним проехали, сидя в одном седле, Ковтель и Хайен. Ковтель, проезжая помахал рукой, а Хайен приложил ладонь к груди и поклонился.

— Будьте счастливы! — крикнули они на прощание.

Последними, ведя пэва за собой, подошли Ольгрид и Саффат. Девушка была в светлом платье с оторванным рукавом. В руках у нее был аккуратно свернутый черный плащ.

— Спасибо тебе, — она протянула его Мэи Си. — Спасибо, за то, что согрела. И за то, что помогла.

— Не замерзнешь? — спросила Мэи Си

— Не замерзну. Я никогда-никогда больше не замерзну. — Ольгрид обняла Саффата, а он поднял ее и посадил на пэва.

Затем он повернулся к Кин Зи.

— Прости меня, друг, за то, что усомнился в тебе.

— Ничего, — улыбнулся тот, — Не каждый раз увидишь ашфарта, демонстрирующего искусство владения оружием.

Саффат прижал кулак к груди.

— Пусть священное пламя хранит тебя.

Он запрыгнул в седло. Обнял сидящую рядом Ольгрид.

— Будьте счастливы! — сказала она.

И их пэва быстрыми шагами поспешил следом за остальными.

Когда всадники отделились от перекрестка, свет, тихо переливающийся над горизонтом, начал гаснуть. Ночь возвращалась, пряча в темноте силуэты стен и башен старой крепости. Гасли огни костров, превращаясь в мерцающие огоньки, в окнах домов. На фоне ярко

вспыхнувших в потемневшем небе звезд задрожал огонь на конце венчающего крышу храма Диверта шпиля. Сквозь пыль дороги снова проступили старые, но все еще плотно пригнанные один к другому камни.

— Они ушли, — сказал Тэи Зи. — Я их больше не чувствую.

Мэи Си отдала Кин Зи его плащ и накинула на плечи свой. Кин Зи вздохнул.

— Эта история оказалась печальнее, чем я ожидал, — сказал он. — Но, по крайней мере, у нее счастливый конец.

— Давайте и мы будем заканчивать. — сказала Мэи Си.

— Действительно, праздник же, а мы мерзнем в чистом поле на лесной опушке. А в доме, между прочим, камин. Можно огонь развести, погреться.

Они в последний раз осмотрели перекресток. Над старыми дорогами в тишине вились светящиеся точки светлячков. Пахло травой и немного пылью. Огонек на могильном камне тарна Хольсварга спокойно горел, освещая высеченную надпись.

— А знаете, над чем я сейчас думаю? — спросил Кин Зи, когда они шли по дороге, ведущей к Диверту — Что это такое было в небе? И старая крепость... Что это? Что мы вообще видели? Прошное? Тонкий Мир?

— Не думаю, что это было прошлое, — покачала головой Мэи Си. — А был ли это Тонкий мир... Кто знает — какой он? Возможно такой, каким каждый хочет его видеть?

— Сложно все это, — задумчиво ответил Тэи Зи — Могила тарна Хольсварга никуда с перекрестка не делась. Ольгрид и Саффат похоронены в лесу, а могилы Хайена и Ковтеля — около храма.

— Над этим я тоже думал. Они выглядели совершенно живыми, — согласился Кин Зи — По крайней мере Саффат вполне реально едва не расписался острием пики у меня на лице. Да и тельдар имеет вполне ощутимый вес. Тэи, хочешь понести?

Тэи Зи отодвинулся подальше.

— Тебе дали — ты и неси.

— Вот-вот. Между прочим, перекусить бы, а в доме нет ни крошки. В сумках-то у нас что-нибудь осталось?

— Не знаю. Может и осталось. Посмотреть нужно.

— Тэи, это же еда — что на нее смотреть? Ее есть нужно!

Так, разговаривая, они добрались до Диверта. На входе в город их встретил Херсвальд в сопровождении ополченцев.

— В домах пусто, город никто не покидал. Все в храме.

— Спасибо Херсвальд, — ответил Кин Зи. — Посты можно снимать. Более Диверт никто и никогда не потревожит.

— Рад это слышать! А уж тарн-то как обрадуется. Он в храме с остальными. Позвольте вопрос? — он указал на тельдар, который Кин Зи нес на плече: — Это... тот самый?

— Тот самый, — кивнул Кин Зи.

— А... А владелец?

Он недоверчиво оглядел санорра, словно пытаясь понять, куда они дели четвертого.

— Владелец... — Кин Зи, задумался на секунду, а затем улыбнулся — Знаете, Херсвальд, это такая невероятная история, что когда мы закончим ее рассказывать и вы зададите все вопросы будет уже полдень. Поэтому давайте оставим рассказ на утро? Взамен я обещаю вам самые необыкновенные Тэйцевас, какие только отмечали в Диверте.

— Так они уже начались, — пекарь посмотрел на звездное небо — время-то за полночь.

— Ну что же, тогда — айле Тэйцевас!

— Айле Тэйцевас!

Бездна бы взяла эти мощные мостовые... Видно колесо снова попало на торчащий камень, повозка дернулась, и рывок снова неприятно отдался во всем теле. Один из двух пассажиров обернулся к прикрытому шторами окошку и болезненно поморщился.

Затем он достал из внутреннего кармана плоскую коробочку, вынул из нее маленький, не больше крупной горошины, зеленый шарик, держа двумя пальцами, посмотрел сквозь него на свет, пробивающийся сквозь занавески.

— Позвольте мне очередной раз напомнить, что наше предложение все еще в силе, алворд Ройзель, — услышал он и усмехнулся про себя: разумеется, эта фраза должна была прозвучать.

— Позвольте мне очередной раз от него отказаться, уважаемый Нье Анэ.

Он закинул шарик в рот, проглотил его и только потом обернулся к своему спутнику.

— Мы оба знаем, что болезнь неизлечима, да к тому же, как не жаль, но сохранить ваше вмешательство в тайне вряд ли получится. Рано или поздно наш нестигаемый эйцвас Решевельц прознает об этом, и... в общем, это может вызвать слишком много нудных вопросов, на которые мне совершенно не хочется отвечать.

Спокойный взгляд черных глаз был ему ответом. Шторки на окне снова колыхнулись, тонкий лучик света на секунду упал на лицо его соседа и на его темной коже тихонько блеснули пепельные искорки.

— Очень жаль, что ваши с эйцвасом разногласия влияют на ситуацию подобным образом. — произнес он без каких-либо эмоций в голосе.

— Что поделаешь, советник, такие мы создания, и этого не изменить, — алворд пожал плечами и постучал ногтем по металлическому навершию трости, которую держал в руках. — Пока обойдусь этим и снадобьями наших общих друзей саллейда. А там... А там посмотрим.

— Как пожелаете, алворд.

— Бросьте Нье Анэ, вы — иворэ, посвященный-санорра, а, значит, лучше чем кто-либо знаете, что больше всего в жизни я бы желал спокойно передвигаться на собственных ногах без того, чтобы опираться на палку и глотать эту гадость. Поэтому и заводите этот разговор постоянно. Но тогда вы должны понимать и причину моего отказа. Есть неписанные правила, которые я не могу позволить себе нарушить, если хочу оставаться во главе Совета. А у меня еще очень много незаконченных дел, чтобы уйти сейчас.

Нье Анэ промолчал. Алворд был прав — он прекрасно видел мучившие его постоянно сомнения. И отлично понимал, что слишком многие гельды, особенно на восточных границах Гельдевайн Таррен, пожалуй не одобрили бы, если бы глава Государственного Совета принял бы помощь от Эш Гевара. А этим обязательно воспользовались бы скрытые и явные недоброжелатели санорра, которых было достаточно и среди простых жителей Центральных Земель, и, что уж там, среди представителей власти. Алворд старался хранить этот невидимый баланс, стараясь постепенно искоренять живущие меж гельдами древние суеверия. Но сколько лет должно пройти, пока они навеки уйдут в прошлое?

Когда он шесть лет назад занял кресло главы Государственного Совета, ему было всего сорок. Член и без того уважаемой и состоятельной семьи, он не только обладал, располагавшей к себе внешностью, но и был отличным оратором, тонко чувствующим

настроение окружающих. Войдя в Совет он, проявляя железную волю, умел настоять на своем, а гибкий ум позволял ему, вовремя отступить, чтобы затем, с помощью интриг, добиться того, чего не удалось достичь напором. Талантливый физиономист, он тонко чувствовал настроение собеседников и неизменно умел предстать перед ними таким, каким они желали его видеть.

Эта способность для всех быть своим, незаурядный ум и, разумеется, солидная финансовая поддержка семьи, позволили ему без особенных сложностей победить на выборах, получив поддержку и жителей Гельдевайн Таррен, и членов Совета. Никто не сомневался в том, что впереди у молодого алворда лежит широкая, устланная успехами дорога. Но не прошло и года, как он тяжело простудился. Не обращая внимания на болезнь, он продолжал работать, пока однажды не потерял сознание прямо в Белом Зале, на заседании Государственного Совета.

В каждой кордже обсуждали любые сообщения о его здоровье. Но хороших новостей было мало: молодой и сильный организм спас Ройзелю жизнь, но появились все признаки того, что болезнь, практически наверняка, лишила бы его возможности ходить.

Видя складывающуюся ситуацию, Государственный Совет решил выбрать нового главу. Но при обсуждении кандидатов начались торги и интриги. Несколько месяцев прошло, а дело не двигалось с места. И вдруг, однажды утром, когда очередное совещание переросло в громкую ругань и обмен обвинениями, за стенами вдруг послышался все нарастающий шум и приветственные крики. Затем высокие двери распахнулись — и ошарашенные советники увидели алворда, который, по их мнению, никак не должен был не только быть тут, но и вообще — стоять на собственных ногах. Опираясь на деревянную трость тот подождал, пока повиснет мертвая тишина, а затем спокойно вошел в зал.

— Я прошу прощения, что прервал вас, господа, — сказал он. — Продолжайте обсуждение, я постараюсь вникнуть в суть вопроса на ходу.

И неторопливой, но уверенной походкой он направился к своему месту.

— Но, алворд Ройзель... Ваша болезнь... — вдруг послышался чей-то неуверенный голос.

— Не беспокойтесь, — не оборачиваясь ответил алворд, спрятав усмешку — Ржавчина безделья разъедает быстрее, чем изнашивает труд. Уверяю вас, я вполне готов к работе.

Он поднялся на помост в центре зала, сел в свое кресло и оглядел притихших советников.

— Итак, о чем вы говорили?

Разумеется, к вопросу о выборах нового алворда Совет возвращаться не стал. Ройзель же, казалось, полностью излечившись от своего недуга, снова посвятил всего себя работе, разве что, стал меньше ходить пешком, передвигался теперь чаще в повозке и совсем перестал ездить верхом.

Но входящие в Совет санорра заметили, что все не так хорошо, как алворд пытается показать. Наблюдая за ним, они постепенно смогли выяснить и подробности. И однажды Нье Анэ, разговаривая с ним наедине, сказал ему об этом прямо.

— Нам известно о том, что саллейда дали вам лекарство. Но оно не сможет вас вылечить, только помогает на время. Постепенно вы привыкнете к нему, и оно потеряет свою эффективность. А если будете увеличивать дозу — оно вас убьет.

— Давайте пропустим подробности, Нье Анэ, — перебил его Ройзель. — Переходите к делу.

— Мы предлагаем вам... воспользоваться нашими методами лечения. Вернуть здоровье за счет ваших собственных сил.

На какое-то время алворд задумался.

— Какова вероятность исцеления? — спросил он, наконец.

— Полного выздоровления добиться не удастся — болезнь неизлечима. Но ее проявления будут практически незаметны.

— Практически?

— Да, алворд Ройзель. Ваше тело способно на многое, но оно не всеильно. А я здесь, чтобы предложить вам помощь, а не лгать.

Алворд снова замолчал. Думал он долго. Наконец, покачал головой.

— Нет, Нье Анэ. Я благодарю вас и Эш Гевар в вашем лице за предложение, но не могу его принять.

— Но это зависимость от лекарства. На всю жизнь, алворд. На много более короткую жизнь.

— Я понимаю это. Но мой ответ не изменится. Если уж я обречен ходить в ошейнике, то нужно хотя бы выбирать тот, который мягче.

— Как будет угодно, алворд, — кивнул Нье Анэ. — Но если однажды вы решитесь сменить ошейник...

— Я дам вам знать...

Повозка в сопровождении стражи в белых плащах проследовала ухоженными аллеями Старого Города и остановилась у большого парка, разбитого перед дворцом эйцваса. Сегодня в честь праздника, вход за обычно закрытые ворота старой крепости был открыт, а на лужайках и скамейках парка отдыхало множество горожан. Многие из них пришли семьями, так что вокруг сразу поднялся гвалт из десятков детских голосов:

— Алворд Ройзель! Алворд Ройзель приехал!

Алворд с улыбкой выбрался из повозки и, подняв руку, поприветствовал окружающих горожан:

— Айле Тэйцевас, друзья мои! Счастливых вам праздников!

— Айле Тэйцевас, алворд Ройзель! — слышалось со всех сторон.

Сопровождаемые ватагой малышей, Ройзель и Нье Анэ добрались до ближайшей скамейки. Взрослые нет-нет, да и поглядывали на советника, но детей куда больше интересовала большая коробка в его руках.

Едва алворд и Нье Анэ устроились под деревом, их тут же окружила стая детворы. Ройзель придал лицу самое серьезное выражение.

— Уважаемые, соблюдайте тишину! — он постучал по перилам скамейки концом трости, — Нам необходимо решить важный государственный вопрос. Прошу рассаживаться по местам, время дорого.

Карапузы, тут же замолчав, расселись вокруг, преисполнившись важности.

— Советник Нье Анэ поможет нам подсчитать голоса, — алворд указал на санорра. — Поприветствуйте его, дамы и господа.

— Здравствуйте, советник Нье Анэ!

— Здравствуйте, — вежливо кивнул Нье Анэ, несмотря на то, что половине маленьких государственных деятелей его имя не далось.

Родители, собравшись в сторонке, с улыбками наблюдали за происходящим. Такие «заседания» алворд устраивал на праздники каждый год. Дети обожали эту игру и готовы были ждать его в парке весь день.

— Итак, вопрос. Он очень важный... — Ройзель оглядел притихшую детвору и улыбнулся. — Что вперед: подарки, или историю?

Разумеется, торжественность и тишина на этом закончились.

— Подарки! Подарки!!!

— Уважаемый Нье Анэ?

— Решение принято. Совет проголосовал за подарки, — санорра открыл коробку и передал ее алворду

— Ура!!! Ура!!! — зазвенело по всей округе.

— Минуту внимания, господа и дамы! — Ройзель поднял трость. — Не забывайте, что если вы будете толкаться и кричать, то я заберу и коробку, и Нье Анэ — и тогда не будет ни подарков, ни истории. Мы с вами серьезные люди и должны быть вежливыми. Первыми подарки получают самые маленькие! Не волнуйтесь, хватит на всех.

Спустя несколько минут коробка опустела, но детвора не спешила расходиться, устроив возню прямо рядом со скамейкой. Ройзель поднялся и поклонился.

— Благодарю вас за работу, уважаемые советники! Теперь нам с Нье Анэ пора заняться

другими делами.

— А историю?.. — вдруг послышался голос, и его поддержали еще несколько

— А разве вам интересно?

— Да! Да!!!

— Ну что же... — Ройзель улыбнулся и снова сел на место. — Раз таково желание Совета, я, как алворд, обязан подчиниться. Подходите ближе, будет вам история!

Дети, радостно шушукаясь, снова собрались в тесный круг. Взрослые тоже подошли поближе.

— Итак, история...

— Вы слышали про огромную гору под названием Эш Гевар? Она такая большая, что ее вершина достаёт до самого неба, внутри ее поместился целый город!

— Как Аверд? — спросила какая-то девчушка.

— Почти такой же большой, как Аверд, — кивнул алворд. — И тех, кто живет в нем, называют «санорра». Они похожи на нас, но выглядят немного по-другому. Посмотрите на господина Нье Анэ, он — санорра. И он как раз из этого города.

Слушатели уставились на темнокожего советника. Впрочем, совсем без страха, скорее — с любопытством.

— А почему он не такой как мы? — сидящий совсем рядом со скамейкой карапуз потыкал Нье Анэ пальцем, как что-то диковинное. Санорра глянул на него сверху вниз и ничего не сказал.

— Потому что мы все выглядим по-разному. У наших друзей раг`эш красная кожа, и одеваются они не так как мы. Еще на севере живут гедары — они похожи на нас, но очень высокие и такие сильные, что могут упереться в дерево, толкнуть его и — раз! — алворд хлопнул в ладоши и маленькие слушатели подскочили от неожиданности, — дерево сломается! А далеко, у самого океана, в лесах, где деревья такие высокие, что поднимаются выше облаков, а листья на них такие большие, что мы все с вами могли бы поместиться на одном, живут саллейда.

— Разве бывают такие деревья? — недоверчиво спросила кроха, которая и говорить-то, наверное, не так давно научилась.

— Бывают! — ответил ей мальчишка лет шести. — Я видел такие на картинке! И еще мне про них рассказывал наш садовник. У него глаза как у кошки!

Это заявление вызвало всеобщее оживление. «Интересно, — подумал Ройзель — Сколько из них теперь будут приставать к ухаживающим за всей зеленью в городе саллейда, чтобы проверить, какие у них глаза...».

Но наблюдательность парнишки алворд похвалил.

— Именно так. Как видите, все мы разные: гельды, гедары, саллейда, раг`эш и санорра. Сейчас все мы можем спокойно жить вместе, в одном городе. Но давным-давно, некоторые на Севере не хотели жить в мире со всеми. И они сделали так, что гедары и раг`эш поссорились с гельдами и даже начали воевать.

— А потом мы победили! — гордо объявил какой-то маленький темноволосый гельд, взмахнув игрушечным мечом, только что полученным в подарок.

Алворд улыбнулся.

— Да, мы победили. Но сначала очень-очень долго шла война. Так долго, что многие дети успели вырасти, а потом состарились и умерли, а война все шла и шла. Но тем, кто не хотел, чтобы все жили мирно, было нужно, чтобы война шла везде, и спрятаться от нее было невозможно. Поэтому они пришли к саллейда, начали зажигать деревья, на которых они жили огнем, который невозможно было потушить и убивать тех кто, хотел заступиться за свой лес. Огонь этот был таким сильным, что на том месте, где он горел, навсегда осталась только черная земля и с тех пор в этом месте ничего не растет, ни трава, ни деревья.

Над поляной царила полная тишина. Молчали взрослые, молчали дети. У некоторых малышей испуганно блестели глаза. Но они внимательно слушали рассказ, стараясь не

пропустить ни слова.

— Тогда самые смелые из саллейда, видя, что враги не уйдут, пока не сожгут все, решили пойти в Эш Гевар, в котором тогда еще никто не жил. Они знали, что в нем есть что-то необычное, спрятанное от всех, очень старое и страшное. Они не знали, что это такое, но надеялись, что это напугает врагов, и они уйдут. Собравшись вместе, они проплыли под водой по морю, потому что, вы, наверное, знаете, что саллейда могут плавать под водой очень долго, а потом выбрались на берег, и зашли внутрь Эш Гевара. Там они нашли особенную старинную одежду и разное оружие, которое точно бы помогло прогнать чужаков. Но...

Алворд поднял указательный палец. Впрочем, жест был излишним — дети и так слушали его, позабыв обо всем.

— Но они могли бы взять это, только если бы сильно заболели одной необыкновенной болезнью, от которой потом не смогли бы вылечиться.

— А когда я сильно болел, к нам приходил один саллейда и он меня вылечил, — вдруг возразил какой-то мальчик.

— Эту болезнь не сможет вылечить ни один саллейда, — покачал головой Ройзель. — Даже если все-все-все самые лучшие целители в мире собрались бы, все равно они не смогли бы ничем помочь. Саллейда попробовали взять вещи просто так, но они рассыпались, как только они выносили их из горы. И тогда они решили ради того, чтобы прогнать врагов — заболеть этой болезнью.

— И потом они смогли их прогнать?

— Да. Многие саллейда не выдержали этой болезни и умерли. А те, кто остался жить, стали выглядеть совсем по-другому: их глаза стали не зелеными, а черными, кожа тоже потемнела и стала серой. Но эта болезнь, сделала быстрыми и сильными. Намного быстрее и сильнее, чем они были раньше! А еще некоторые из них теперь могли показывать врагам в голове разные страшные картинки — прямо в их голове, представляете?! Они поспешили назад, чтобы помочь тем, кто остался дома, напали на чужаков, и так их напугали, что они побросали свое оружие и навсегда убежали оттуда! А от огня, который они разожгли, сгорели их собственные крепости.

— Вот здорово! — воскликнул обладатель игрушечного меча. — Хотел бы я на это посмотреть!

— И я!

— И я тоже!

Нье Анэ посмотрел на слушателей, которым было от силы лет пять-шесть. Эти маленькие гельды до конца своей жизни просыпались бы каждую ночь с криком, имея они возможность хотя бы на минуту увидеть то, что происходило там, на выжженной полосе у самой границы Южных Лесов, своими собственными глазами. Он мог легко исполнить их желание, потому что, все санорра навсегда запечатали это событие в собственной памяти, передавая его из поколения в поколение, неизменно ярким и живым, словно оно произошло только что. Потому что до самого конца, самый последний из них должен помнить, что за ужасную и опасную силу он носит в себе.

Тогда их было не больше полусотни: все, кто не остался лежать в темноте переходов древней горы изломанным, почерневшим трупом, кто не вырвал себе глаза собственными руками, не разбил голову в кровавые ошметки, бясь ей о камни. Все, кто выжил и нашел в себе силы подняться на ноги. Они даже не взяли с собой оружие, потому что теперь

понимали, что нет оружия страшнее, чем та сила, которую они обрели.

Но защищенные крепкими стенами укрепления, ослепленные собственной мощью и безнаказанностью враги, ничего о ней не знали. И поэтому со стен слышались сначала смешки, а потом — оскорбления и хохот и свист. Огромные гедары демонстративно бросали оружие на землю и, засучивая рукава, приглашали незваных гостей подходить поближе, обещая перебить их голыми руками.

— Откройте ворота! — орал какой-то здоровяк, опирающийся на топор, который снес уже ни один десяток голов, — пусть заходят! Лень мне за ними бегать!

— Да они к земле от страха приросли!

— Не приросли они, им полные штаны ходить мешают!!!

Когда серые фигуры шевельнулись, одновременно опустив на голову капюшоны своих одежд, это вызвало новый приступ хохота и неуклюжего остроумия.

— Смотри ка, головушки напекло! — разорялся детина с топором. — Что, доходяги, пригрело?! Жарко им, слышь! А вы подойдите! Самая жара вас прямо тут и...

Острота его осталась незаконченной. Возможно, ее окончание было спрятано в одном из тех кровавых ошметков, которые вместе с кусками черепа обляпали стоящих рядом, когда на голову гедара опустился тяжелый молот. У окружающих не было времени ни опомниться, ни предпринять что-либо для своей защиты, потому что, размахнувшись, обладатель молота отправил их следом за шутником, прежде чем напоролся на нож бросившегося на него раг'эш.

Со всех сторон слышались крики боли и вопли ужаса. Один за другим только что во все горло хохотавшие беловолосые хватали оружие и с рычанием бросались прямо в толпу недавних соратников, круша всех на своем пути. Началось побоище, тем более страшное, что в нем каждый бился с каждым без жалости к врагу и себе самому.

За считанные секунды это безумие волной охватило всю крепость. Но раг'эш, казалось, были слабее подвержены ему. Они даже попытались, собравшись вместе, организовать какое-то сопротивление, постепенно отступая, чтобы укрыться в домах.

И вдруг один из них, дико закричав, рухнул на землю и принялся бешено кататься по ней.

— Аш!!! Фет Ашше!!!! — вопил он — Огонь! Горю! Я горю!!!

Его руки яростно молотили и скребли по телу, сдирая целые пласты кожи и вырывая куски плоти, стараясь погасить несуществующее пламя. Отбиваясь от тех, кто поспешил ему на помощь, он бессмысленно кричал и бился в грязи, замешавшейся на его собственной крови. А рядом еще один краснокожий великан пронзительно завизжал, закрутился на месте и принялся рвать собственное горло и грудь хрипя, что его изнутри сжигает пожар, а за ним еще один, и еще, и еще... И это был конец.

— Советник?

Нье Анэ поднял голову. Ройзель и дети в ожидании смотрели на него.

— Прошу прощения, алворд, я задумался... О времени.

— Вы как всегда правы и мы уже идем. Но сначала, раз уж вы некоторым образом, отсутствовали, я повторю то, что сказал. Итак, наш ежегодный малый Совет хотел бы поблагодарить вас за участие в заседании.

Он захлопал в ладоши первым. Но аплодисменты тут же подхватили все окружающие, как маленькие, так и некоторые взрослые. Маленькая девочка подошла и протянула только что сорванный тут же на лужайке цветок.

Санорра его взял.

— Благодарю, — Нье Анэ встал и сдержанно поклонился.

Алворд тоже поднялся со скамейки.

— Господа советники, на этом наше ежегодное заседание заканчивается. Благодарю вас за старания и буду рад увидеть здесь же через год. А теперь — нам пора. Айле Тэйцевас!

— Айле Тэйцевас, алворд Ройзель!

Сопровождаемые шумящими детьми, обмениваясь поздравлениями с их родителями, они пешком направились к ближайшим воротам, вход за которые для посторонних был закрыт даже в праздники.

— Эйцвас может не одобрить сегодняшнего вашего рассказа, — заметил Нье Анэ, когда они шли через пустой внутренний двор. — Вы ведь понимаете, что он узнает о нем сегодня же, если еще не узнал.

— Мне нет дела до того, что скажет эйцвас, — Ройзель отбросил концом трости с дороги небольшой камушек. — Мы оба служим государству. И если половина из этих малышей, став взрослыми, расскажет своим детям эту историю, а не какую-нибудь страшилку об убийцах из Эш Гевара, государство от этого только выиграет.

— Думаю, он найдет, чем вам возразить.

— Разумеется. И он тоже будет по-своему прав. Что такое правда, советник? Это лишь множество дорог, приводящих нас с разных сторон к одному и тому же камню. Беда только в том, что мы часто так и остаемся каждый на своей стороне, придумывая этому камню множество названий. А он продолжает оставаться обычным камнем... Но, похоже мы действительно задержались, давайте прибавим шагу, там же еще эта проклятая лестница.

— Конечно, алворд.

Ройзель всем сердцем ненавидел эту винтовую лестницу. Пожалуй, во всем Аверде он один знал, что в ней — ровно восемьдесят ступеней, каждая в половину локтя высотой. Он знал, какие из них поскрипывают, какие немного гнутся, а какие неплохо бы и подновить. Потому что каждую из этих восьмидесяти ступенек, он ненавидел персонально. Когда каждый шаг дается тебе с трудом — можно себе это позволить.

А вот большой зал, в который эта лестница вела, ему нравился. Он разместился под самой крышей старинного здания, в свое время отданного ученым, занимавшимся изучением истории Гельдевайн Таррен и всего Дивэроса, и предназначался для общих собраний. Именно на них все выводы и открытия обсуждались и принимали свой законченный вид, прежде чем попасть на страницы научных книг.

Здесь почти всегда было темно — древние знания не любят яркого света. Большие окна постоянно были закрыты плотными портерами, которые практически не пропускали дневного света. Все помещение, кроме большого круглого стола тонуло во мраке. Если собрание происходило вечером, или ночью — этот стол и стена рядом с ним освещались светом массивной люстры. Днем же свет попадал сюда через специальное окно, устроенное в крыше.

Стекло в этом окне было хитрое — пропуская и направляя свет, оно в то же время не позволяло заглянуть в зал снаружи тем, кто не был допущен к здешним тайнам. А тайн и секретов за все время своего существования этот зал слышал такое количество, что у случайного посетителя волосы бы встали дыбом. Хотя, случайных посетителей здесь как раз и не бывало — все здание, и особенно это помещение, охранялось сильнее, чем весь Старый Город. И те, кто имел право входить сюда, были известны поименно.

Сейчас зал был пуст. Ройзель указал Нье Анэ на один из стульев, стоящих вокруг стола и сам сел напротив. Солнечный свет падал сверху, освещая письменный прибор и лежащую рядом с ним одинокую папку. Положив сомкнутые руки на стол, алворд внимательно смотрел на санорра, молча наблюдая, как на его серой коже вспыхивают редкие неяркие песчинки.

— Вы догадываетесь, Нье Анэ, почему ради этого разговора я даже вытерпел подъем по этой треклятой лестнице? Почему я хотел поговорить с вами именно здесь?

— Потому что в окружении всех этих защитных и сигнальных знаков, которые я ощущаю, вы чувствуете себя в безопасности. Или хотите поймать меня на лжи. При этом сами понимаете, что я не причиню вам зла и не стану лгать. Значит, разговор настолько серьезен?

— Именно так, советник, — Ройзель подвинул папку ближе к себе. — Разговор настолько серьезен.

Он вынул из папки три исписанных листка бумаги. Один протянул Нье Анэ:

— Прочтите. Это письмо от тарна Диверта. Он трижды просил нас о помощи. Мы дважды его просьбу проигнорировали и один раз отказали в помощи. Тогда он проявил находчивость и нашел ее в другом месте.

Советник бегло просмотрел написанное.

— Тарн Хенрил пишет о том, что он пригласил Дей-Кай. Эш Гевар не имеет отношения к их действиям, — заметил он. — Хотя, если вы позволите мне заметить, то, что они

совершили, включая спасение двух маленьких детей, сложно назвать преступлением.

— А это, — не отвечая на замечание, Ройзель протянул ему второй лист, — сообщение от местного энле. Его мне сегодня передал эйцвас. Здесь, помимо прочего, говорится, что гости тарна явно что-то знали о происходящем. Решевельц провел короткое расследование и узнал, что кое-кто из весьма высокопоставленных членов Совета, получил из архивов Аверда информацию о произошедшем триста лет назад в Диверте. Там, конечно, было не все, но то, что было — лежало в разделе государственных тайн.

— Алворд, вы ведь понимаете...

— Я понимаю, что вам лично, Нье Анэ, никто бы ничего не дал. Но это и не обязательно, верно? Этот... неосторожный советник вполне мог выполнять чью-то просьбу. Ведь, если он решился на такое, а не побегал с докладом в Старый Город — причины у него должны были быть. А санорра бывают очень убедительны, мы оба это знаем.

— Вы хотите сказать, что просьба могла быть и моей?

— В этом случае я сегодня прислал бы вам не приглашение, а конвой. Но, как видите, я этого не сделал. Тем не менее, объяснить нам нужно.

Взяв в руки свою трость, Ройзель принялся рассматривать узор, украшающий металлический шар на ее ручке.

— Вы ведь знаете о том случае, в Зигверте, который произошел еще при моем предшественнике?

— Разумеется.

— Как странно... ведь там тоже отметились эти трое. Но когда Старый Город пожелал их допросить — Эш Гевар отказал.

— Все верно, алворд. Потому что тогда еще они не покинули Эш Гевар. Договор между санорра и Авердом позволяет нам это.

— Да, это я тоже прочел. Но сейчас, вы сказали, они Дей-Кай, то есть, «отделившиеся».

— «Осколки», так будет правильнее.

— Такое случается не часто, чтобы санорра уходили, верно? А чтобы втроем — либо такого не было, либо нам это не известно.

— Обо всех подобных случаях мы уведомляем Совет. Такое действительно случилось впервые.

— Так в чем же дело, Нье Анэ? В чем причина?

— На этот вопрос я не могу вам ответить.

— Но я боюсь, что вам придется мне отвечать.

В голосе Ройзеля звякнул металл.

— Вам придется ответить мне на этот и другие вопросы, советник, потому что я совсем не настроен чувствовать себя простофилей на ярмарке, который, разинув рот, слушает, как карманник рассказывает ему сказку, подбираясь все ближе к кошельку. Я имею право требовать от вас ответа как алворд Государственного Совета. А еще — потому что за моей спиной стоят тысячи жителей Гельдевайн Таррен, половина из которых смотрит на Эш Гевар с ужасом, от которого я всеми силами стараюсь их избавить. А с другой стороны плетет свои интриги Решевельц, который утверждает, что никакие соглашения с санорра не спасут нас, если однажды они решат, что мы стоим у них на пути! Что всегда и во всем вы руководствуетесь лишь какими-то вам одним известными интересами, считая такие понятия, как добро и зло выдумкой, не стоящей внимания. И, знаете что, советник?

Алворд наклонился к столу, распулав кружащиеся в луче света пылинки.

— В некотором роде, я с ним согласен. Потому что вижу, как, не нарушив ни единой буквы соглашений, вы не только обходите наши законы, скрывая от суда преступников, но и подрываете основы нашего государства, высматривая и шпионя.

— Это серьезные обвинения, алворд Ройзель, — голос санорра звучал по-прежнему ровно и спокойно. — Что касается первого, то не все и не всегда является тем, чем кажется на первый взгляд. А остальное... Если помощь Дей-Кай перепуганным жителям Диверта подрывает основы Гельдевайн Таррен, то, возможно, вам и эйцвасу не стоило игнорировать просьбы тарна, заставив его обратиться к ним.

Он снова взял в руки донесение Хенрила.

— Здесь написано, что подробности произошедшего известны только городскому совету Диверта. Горожанам ничего не сообщали, а появление тельдара Хольсварга объяснили тем, что Дей-Кай случайно нашли его в лесу. Так что престиж власти никак не пострадал. А что касается государственных секретов Аверда... Так это не Дей-Кай готовы были обменять их на деньги, или на молчание.

Ройзель молча раскрыл папку, вынул из нее несколько скрепленных вместе исписанных листков. Судя по желтоватому цвету бумаги и неярким чернилам, записи были очень старыми.

— Прочтите.

Он положил листки на стол и подтолкнул их к санорра.

— Что это?

— То, что они разыскивали в архивах Аверда. Читайте!

— После того, как вы сообщили мне о том, что это государственная тайна?

— Это больше не государственная тайна, с того момента, как она стала товаром. Читайте, советник. Я подозреваю Эш Гевар в диверсии и не хочу, чтобы мои подозрения показались вам блажью инвалида.

Нье Анэ взял со стола листки. Несколько секунд у него ушло на то, чтобы внимательно изучить то, что было написано. Все это время Ройзель не отрывал от него глаз, постукивая по краю стола рукояткой трости. Закончив чтение, санорра задумался.

— Триста лет назад Старый Город проводил расследование? — наконец спросил он. — Вы не уведомляли нас об этом.

— Внезапно это дело стало государственным: Раг`эш потребовали у Аверда объяснить, что случилось с ашфарт, которого Ашхакар прислал на службу в Диверт. Здесь отчет обо всем, что удалось узнать. Не много, как видите — как только выяснилось, что вместе с раг`эш пропала дочка тарна, тогдашний алворд поговорил с эйцвасом и они решили глубоко не копать. Хольсварг был на хорошем счету и с ума сходил от горя, а война с северянами закончилась меньше ста лет назад... В общем, Раг`эш скандал тоже был не нужен. Договорились на том, что беглецы, скорее всего, стали жертвой грабителей, которых всегда хватало в лесах. Ни тем, ни другим, как говорится.

— Я понимаю. Если теперь обстоятельства этих событий станут известны...

— Поверьте мне, советник, они станут известны рано или поздно, раз уж один раз попали в чужие руки. Теперь это вопрос времени. И когда Ашхакар наконец узнает, что их ашфарт не сбежал с соблазненной им дочкой тарна в лес, где им обоим перерезали горло, а был несправедливо обвинен, изгнан Хольсваргом из Диверта и убит, пусть даже не намеренно, чего сейчас, к слову, уже не докажешь, двумя его подручными, я врятли смогу доказать раг`эш, что мы три столетия не пытались оклеветать его, чтобы скрыть

преступление только потому, что в нем был замешан представитель власти.

Ройзель вдруг усмехнулся и добавил:

— А раз уж мы здесь для того, чтобы говорить откровенно, то не кажется ли вам, советник, что все складывается как-то уж слишком очевидно: сначала Зигверт, теперь эта история. В общем, давайте так... Либо вы мне сейчас коротко и убедительно докажете, что ни Эш Гевар, ни эти ваши Дей-Кай не выполняют никаких тайных поручений Ашхакара...

Он снова раскрыл папку, в которой осталась всего пара листков. Один из них был чистым, а на другом, исписанном до половины, четко выделялись печати Государственного Совета и Старого Города. Этот лист алворд положил перед собой.

— Либо я прямо при вас поставлю свою подпись рядом с подписью эйцваса об аресте всей этой троицы. А там — пусть Решевельц и его Белые Плащи с ними разбираются.

Санорра никак не отреагировал. Но едва пальцы Ройзеля коснулись пера, лежащего на приборе, он нарушил молчание:

— Почему вы настолько были уверены в том, что я попрошу вас этого не делать? — вдруг спросил он.

Алворд задержал руку.

— Если бы это было не так, вы подписали бы приказ еще до нашей встречи. А меня поставили перед фактом. Но вы этого не сделали. Решевельц практически сумел доказать вам, что раг`эш вступили в сговор с Эш Геваром, но вы все еще сомневаетесь.

Ройзель так и не взял со стола перо.

— Откуда такая уверенность, советник?

— Вы не просто так упомянули о старом трабовании Ашхакара, хотя могли бы этого и не делать. Вы ведь сами сказали, что эту тайну больше не удержать, так что мы узнали бы о ней очень скоро. Вы можете задержать этих троих сейчас, все законы вам это позволяют и допросить их о том, что случилось в Диверте. И они, разумеется, расскажут все. Но вас интересует не это.

Нье Анэ чуть наклонился вперед, войдя в солнечный свет, словно тень из окружающего мрака.

— Зигверт — вот что вас мучает. Вы пытаетесь понять, что случилось там, потому что чувствуете — Решевельц что-то от вас скрывает. Никаких возможностей получить эту информацию из Старого Города у Вас нет. Остаются исполнители — эти трое. Ручаюсь — вы не передали бы их Белым Плащам эйцваса, любым способом попытавшись выяснить все самостоятельно. Но вы понимаете, что ничего не сможете узнать у них без моего разрешения, которое я могу дать от лица Эш Гевара. Для этого вы и захватили последний, чистый лист. Но позвольте мне в свою очередь спросить у вас, алворд Ройзель, почему вы решили, что я такое разрешение дам? Повторяю, Эш Гевар за действия Дэй-Кай не отвечает, и вы это знаете.

— Потому, советник, что никогда трое санорра не уходили одновременно. И еще — вы не отпустили бы троих Дей-Кай живыми, если бы на это не было причины. Причины настолько важной, что из-за нее вы, не делаящие исключений ни для кого, пошли наперекор всем своим правилам, чего никогда ранее не делали.

Синие глаза Ройзеля смотрели прямо в черные глаза Нье Анэ.

— Эта причина серьезна настолько, что вы даже позволите мне узнать, что случилось в этом проклятом Зигверте, потому что в этом случае будете вправе требовать от меня более никаких тайн не касаться. Или я ошибаюсь, советник?

Несколько секунд висела тишина. Наконец, Нье Анэ протянул руку:

— Давайте ваш лист.

Взяв со стола перо, и не потрудившись обмакнуть его в чернила, он несколько секунд царапал бумагу, словно оставляя на ней невидимые строки. Затем он сложил лист пополам и передал его Ройзелю.

— Передайте этот лист Дей-Кай. Ваш посланец узнает все о том, что случилось в Зигверте. Пожалуй, даже больше, чем вы бы хотели знать. Держите это письмо подальше от защитных знаков, алворд — они уничтожат написанное. И старайтесь поменьше держать его в руках — можете почувствовать жжение. Лучше всего уберите в шкатулку.

— Что вы имеете в виду, советник, говоря что я узнаю больше, чем хотел бы знать? — Ройзель убрал листок в папку и потер кончики пальцев. — Действительно жжет.

— Я уверен, что получив ответы на свои вопросы, вы поймете, что я имею в виду.

Нье Анэ поднялся со своего стула

— Пока же, раз вы получили все что хотели, я думаю, нам лучше закончить этот разговор. Позвольте помочь вам спуститься вниз по лестнице?

— Благодарю, не откажусь.

— Чего он требует?!

Хенрил еще раз перечитал несколько строк, под которыми стояла аккуратная подпись Ройзеля, словно пытаясь понять, где он упустил смысл написанного. Затем он поднял глаза на посетительницу, так и не присевшую в предложенное кресло.

— Тарн Хенрил, алворд ничего от вас не требует. Он предупреждает о том, что какое-то время ваши... — она сделала секундную паузу, — ваши гости не должны покидать Диверт, так как к ним имеются некоторые вопросы.

— Вопросы... вопросы... — Хенрил положил лист на стол, побарабанил по нему пальцами, и вдруг, размахнувшись, грохнул по нему кулаком так, что услышали, пожалуй, и на улице. — Вопросы, значит?! У алворда Ройзеля есть вопросы?! А когда я два года писал им с эйцвасом письма и получал от ворот поворот, у него, значит, никаких вопросов не было?!

Он вскочил со своего места... и тут же подумал, что, пожалуй, напрасно это сделал. Стоящая у стола светловолосая посланница Аверда, облаченная в офицерскую форму и белый плащ Храмовой Стражи не только не отреагировала на эту вспышку гнева, но оказалась еще и почти на полголовы выше ростом. Хенрилу показалось, что в ее глазах мелькнула усмешка и он от души порадовался, что никто из Городского Совета его сейчас не видит. Особенно Херсвальд.

Покосившись на раскрытое окно, он сбавил тон:

— Послушайте... — он украдкой (как ему показалось), кинул взгляд на вверительный лист девушки, который изучал несколько минут назад. — Послушайте, офицер...

— Грейцель, — подсказала девушка.

Хенрил мысленно плюнул в пол.

Да, Грейцель... Я же написал алворду подробный доклад. Я так думаю, судя по тому, что вы тут, энле Йозэф аккуратнейшим образом сообщил обо всем эйцвасу Решевельцу, и теперь это дело... по поводу которого я не раз до того обращался в Аверд...

— Тарн Хенрил, — прервала его светлоглазая, — я здесь совершенно по другому делу, не имеющему отношения к тому, о чем вы говорите. Поэтому, пожалуйста, успокойтесь, никто вас ни в чем не обвиняет.

Эта фраза заставила Хенрила застыть с открытым ртом на полуслове. Затем он сел в свое кресло и, подумав несколько секунд, не нашел ничего лучшего, чем спросить:

— Что значит: «не по этому делу»? Что же Йозэф еще такого мог написать на меня, если Решевельц даже прислал сюда кого-то из Академии?

— Тарн... — в голосе девушки проступили настойчивые нотки, — вы ведь заметили, что мой вверительный лист подписан алвордом, а не эйцвасом. Письмо для вас тоже написано и передано мне лично в руки им. Так что, считайте, что я выполняю его поручение. И крайне важное поручение. К вам же, я повторяю, ни у алворда, ни у Старого Города, ни у меня никаких вопросов нет. Пока нет, если вы не собираетесь препятствовать мне.

Намек прозвучал абсолютно ясно. Хенрил заметил, что она держит подмышкой небольшой сундучок, прикрывая его плащом. Интересно, что в нем такое?

— Тарн?

— Да-да...

Хенрил, покраснев, подскочил с места. Мысли она, что ли читает? Кто их знает, этих Белых Плащей, говорят, их чему только там, в Старом Городе, не учат. Может, и мысли читать. Врать-то им точно невозможно — любого насквозь видят.

— Идемте, Грейцель.

Первыми, кто встретил их на улице, были двое мальчишек. Грейцель заметила их, когда входила в дом — тогда они сосредоточенно терли окна на боковой стене дома и не обратили на нее внимания. Теперь же они добрались до самых дверей. Один из них был постарше и покрепче, он держал на плечах второго, комплекция которого выдавала пристрастие к пирогам и булочкам.

Тарн смерил трудяг удовлетворенным взглядом.

— Вольц! — позвал он.

На зов обернулись оба. Грейцель улыбнулась: мальчишки явно не были родственниками, но имели кое-что, делавшее их похожими друг на друга как братья — у каждого под левым глазом красовался здоровенный, синячище.

Верхний мрачно потерял свое боевое украшение плечом, не выпуская из рук мокрую тряпку.

— Чего?..

— Придет отец — скажи, чтобы попросил Зельву подготовить госпоже офицеру комнату, обед и умыться с дороги. Понял?

— Ну...

— Пэва ее в стойла отведешь, накормишь, устроишь. Понял?

— Ну...

— Оглоблю гну! Я тебе сейчас еще и зад разукрашу для равновесия, а отец добавит! Понял, спрашиваю, что я сказал?

— Понял, дядя...

— ...

— То есть, тарн Хенрил. Понял.

— Вот и хорошо. Домоете первый этаж — и на сегодня свободны. А пэва проверю, сам в стойло зайду!

Доказав таким образом верховенство власти, Хенрил обернулся к ней и сказал уже совсем другим голосом.

— Если вы не сильно устали с дороги, давайте пройдемся пешком? Идти недалеко, второго пэва седлать дольше будет. Да и горожанам на офицера в белом плаще полезно будет посмотреть, понимаете же.

— Конечно.

Белый плащ ли, в самом деле, имел успех, или его хозяйка привлекала к себе заинтересованные взгляды, но пока они шли к тому дому, где обустроились санорра, многие бросали свои дела и долгим взглядом смотрели ей вслед. В основном — мужчины.

— Сурово вы с парнем, — заметила Грейцель. — Родственник? Второй, как я поняла, ваш сын.

— Вольц? Да нет, это Херсвальда сын, — махнул рукой Хенрил. — Тот самый, что с Тельгой, Зельвиной дочкой на болотах потерялся.

— Нарушитель спокойствия?

— Кто — Вольц?! Да вы что, тишайший мальчишка был до недавнего времени. Не в обиду Херсвальду сказать — даже жидковат, пожалуй. Дома, по хозяйству, в пекарне помочь

— это всегда. А вот кулаками помахать — такого за ним раньше не было. Как санорра их с болот вывели — так и поменялся. На второй день старшему моему глаз подбил.

— За что?

— Да кто же их знает? Спрашивал, грозил — да разве же они признаются. Вот поровну и получили. Я так думаю, умел делать — умей и отвечать.

— Врагами-то они не выглядят, — заметила Грейцель

— Какими «врагами», вы что! — махнул рукой Хенрил: — Их водой теперь не разольешь!

Он вздохнул и украдкой глянул на девушку.

— Вы, может, думаете, что у нас тут порядки суровые? Что не следует тарну с такими делами разбираться — свой отец на то есть? Просто Диверт наш маленький, одно название что город. Копни — так все мы тут друг другу родня. Так что и малыши с детства вроде как общие. Носы вытираем своим и не своим. А доведется, так и поучить уму-разуму приходится, и никто не в обиде. Вам-то, наверное, это странным кажется, в Аверде такого не бывает.

— Не кажется, — улыбнулась Грейцель. — Я сама с Острова, не в Аверде росла. Так что и насобирать синяков и шишек в детстве успела, и наставить.

— С Инцмира значит? И, в Академии уже...?

— Шесть лет.

— И белый плащ... — Хенрил покачал головой. — Надо же...

Чем ближе к цели они подходили, тем мрачнее становилось его лицо.

— Можно я, Грейцель, с вами начистоту? — вдруг спросил он.

— Конечно. Давно пора.

— Я вот за что переживаю, — Хенрил принялся теребить пуговицу на рубашке — Я так понял, что вам, известно, что у нас тут случилось... еще до всего, что потом было. Про детей, про болота...

— Да, известно.

— Так вот... Мы, получается, с самого начала как-то не очень гостеприимно поступили. Санорра эти нам столько добра сделали: детей из болота вывели, с бедой нашей помогли, и еще и такую реликвию нам возвратили... вы знаете про тельдар?

— Да, знаю. Не только то, что его нашли в лесу.

— А, хорошо. Так вот — еще и реликвию такую возвратили. Из рук самого основателя Диверта, можно сказать. Хольсварга здесь по сей день чтут. А теперь — так еще сильнее, чем прежде.

Хенрил вздохнул.

— Совестно мне их под арест брать. Вот, хоть и просьба алворда — а совестно. Не знаю, что они там натворили, но только мы от них плохого ничего не видели.

— Почему же «под арест», — возразила Грейцель. — Я же не в подвал прошу их посадить.

— Так-то оно так... — Хенрил покачал головой. — Да только из города ни ногой, какая же это свобода? Что маленькая клетка, что большая — а все клетка. После всего, что они для нас сделали.

— Для них это работа, тарн. Свою плату они получили, никто ее отбирать не собирается.

— Детей они нам не за плату из болота вывели, — возразил гельд. — Да и тельдар отдали, не продали. Думаю я, не в одной плате тут дело. Не обычные они, не как другие, с

Эш Гевара. Общался я с санорра на своем веку, сравнивать могу. Я вам скажу, Грейцель — они тут прожили день-два, а народ от них уже шарахаться перестал. Детишки даже за ними бегают. Девчата, смотрят на них, шушукаются. А ведь сначала наши от них как от смерти прятались. Мы уже в Совете думали — может, наконец, изживется страх этот? Алворд-то, как я знаю, тоже за это радеет.

Грейцель задумалась.

— Знаете, — наконец сказала она, — пожалуй, вы правы. Давайте, я поговорю с ними сама. Так будет лучше.

— Грейцель, — Хенрил понизил голос, — а, если не секрет...

— Тарн, — прервала его Грейцель, вежливо, но решительно — Знаете, мне отец с детства говорил: «Что пекарь у станка...»

— «...Что ткач у печки». Верно, нечего не в свое дело лезть, — кивнул Хенрил. — А мы почти дошли. Видите тот дом, с краю, почти под самым холмом?

Он указал вперед.

— Да, конечно, — кивнула Грейцель. — Вы возвращайтесь к своим делам. Не переживайте, я поговорю с ними сама и все улажу.

— Вот спасибо. Буду ждать.

Что-то с этим старым домом было не так. Не было ничего, что показывало, что в нем жили долго. Скорее всего, жильцы не задерживались здесь дольше, чем на несколько дней, и уезжали, не успев оставить никакого следа. А старики от одиночества дряхлеют быстрее. Наверняка в Диверте были дома и постарше, но о них заботились, им дарили внимание и уход. А этому же скорее перепало немного краски по весне, да заплаток на крышу. Хотя, видно было, что комнату старались держать в порядке: вон, полы недавно подкрашивали, камин тоже чистят. Посуда, хоть и не новая, но добротная, хорошая. Даже большой котел, висящий под каменным сводом камина, как смогли, отчистили от сажи. Часы, на каминной полке... Полдень. Час побеседуем — и можно пойти пообедать.

На этом месте Грейцель должна была прервать свои наблюдения, так как сидящий напротив нее санорра поднял голову и отложил в сторону лист, который вынул из отданной ему шкатулки. Второй — черноволосый и девушка с белоснежными волосами, даже в руки его не взяли, но Грейцель была уверена — они тоже успели увидеть то, что было на абсолютно чистой бумаге.

— Значит, алворда интересуется, что случилось в Зигверте... Нье Анэ сообщает, что это его личная просьба, а не задание Государственного Совета.

Он протянул ей ларец, в котором она привезла это странное письмо.

— Этого я не знаю, — Грейцель забрала ящичек. — Я должна лишь передать вам то, что передала.

Мебели в комнате было — стол да пару деревянных стульев, так что уселись на полу. Странное гостеприимство, конечно, но, санорра, похоже, на подобные вещи внимания не обращали. Внезапно Грейцель ясно почувствовала кожей как будто прохладный ветерок. Сквозняки, что ли тут у них?

— Верно. А, выслушав все — попросить не покидать город... — заметила девушка.

Грейцель нахмурилась.

— Для того, чтобы это понять, совсем не обязательно беспокоить вашу тонкую защиту, — улыбнулся собеседник. — Достаточно просто наблюдать и делать выводы.

Он окинул ее взглядом и пояснил:

— У вас, Грейцель, сумка для документов на поясе. Значит — вы привезли не только письмо от Нье Анэ. Другие письма могли предназначаться только местному энле, так как вы офицер Храмовой Стражи, либо тарну Хенрилу, так как вы прибыли от алворда с личным поручением. Пришли вы к нам пешком, но из Аверда явно прибыли верхом на пэва — ваш плащ не помят, чего никак не может быть, если вы ехали в повозке. Ваш пэва в стойле при городском Совете. Стало быть, с тарном вы уже увиделись и письмо ему отдали.

Странно... Грейцель показалось, что в окнах как будто потемнело, как бывает пасмурный день. Хотя только что ярко светило солнце. И, как будто, легко повеяло сыростью. Дому, похоже, намного хуже, чем кажется на первый взгляд.

— Теперь насчет вашей просьбы, которую вы еще не высказали... — санорра проследил за тем, как она мельком посмотрела в окно. — Вы приехали к нам, значит, в Аверде знают, что мы сейчас в Диверте. Узнать это могли только из сообщения Хенрила, или энле Йозэфа, а, скорее всего, от обоих сразу. Тарн явно провожал вас почти до самого дома, чтобы показать дорогу, но сам к нам не пришел. Потому что хотел избежать неловкой ситуации.

«Кин Зи, так его зовут. А тот второй, получается, Тэи Зи, — подумала Грейцель. — Действительно, необычная компания». Да откуда так сыростью-то тянет?! И сквозняки... На улице жара, а тут, как будто, все холоднее. Брр... Как они вообще тут живут? Темень такая в доме... Или глаза никак не привыкнут с улицы?

Кин Зи, явно заметил, как она зябко повела плечами.

— Алворд совершенно напрасно вернулся к этой истории. И вдвойне напрасно начал говорить о ней с Нье Анэ. Эш Гевар придерживается нейтральной позиции и будет держаться ее, не давая ни Совету, ни Старому Городу преимуществ. Любой ценой. Надеюсь, после этого случая Ройзель это поймет и будет осторожнее.

«Если сейчас станет еще холоднее — встану с пола и сяду на стул. В Бездну вежливость» — подумала Грейцель, чувствуя, как кожа покрывается мурашками.

— Но я здесь не для того, чтобы обсуждать политику алворда и Совета, — сказала она. — Поэтому, предлагаю не тратить на это время.

— Как пожелаете, — подал голос Тэи Зи.

— Хорошо. Итак, насколько мне известно, вы должны мне рассказать о том, что случилось в Зигверте.

Кин Зи покачал головой.

— Нет, Грейцель. Не рассказать. Мы должны показать вам то, что случилось в Зигверте.

И вдруг Грейцель почувствовала, как на ее щеку упала холодная как лед капля. Машинально стерев воду, девушка секунду оторопело смотрела на нее. Затем подняла взгляд... и, вскрикнув, вскочила на ноги.

Ни необжитого дома, ни его странных хозяев больше не было. Лишь узкий деревянный навес на столбах, притулившийся у обочины раскисшей дороги. И холод... Промозглый сырой холод, перемешанный с ледяным мелким дождем, каким на целые недели заряжает погода на северных границах Гельдевайн Таррен.

Грейцель дрожа ни то от холода, ни то от накатившего страха, уставилась на большие ворота, окруженные сторожевыми башнями, над которыми поднимались столбы белого дыма от горящих на них костров. Всадник, который стоял перед их полуоткрытыми створами, вообще, казалось, не обращал внимания на промозглую погоду. Надвинув на голову капюшон, он напряженно всматривался сквозь серую пелену.

Вдруг, он приподнялся на стременах, подавшись вперед. Несколько солдат гарнизона, жавшиеся к стене, заметив его движение, подобрав свои пики, подошли поближе. Один из них, прищурившись, толкнул локтем соседа:

— Гляди... Вон там, на дороге.

Темными силуэтами из серой мглы возникли три тени. Приближались они не спеша, совершенно не стремясь укрыться в тепле от холода и сырости.

— Ты глянь, на них же нитки сухой нет. Они, что, так под дождем и ехали?

— Да что им твой дождь. Они ж ни холода, ни голода не чувствуют. Как выехали с Эш Гевара, таки и ехали, не разбирая дороги. Говорят — они и не живые вообще...

Всадник повернулся в седле и сверху вниз посмотрел на шепчущихся. Он не сказал ни одного слова, но все разговоры разом смолкли. Тронув поводья, он двинулся навстречу тем, кого, очевидно, ожидал все это время. Трое неизвестных ждали его приближения. Всадник остановился в нескольких шагах, перекрыв центр дороги.

— Я — Хиетт, порученец Эльдрика Скелла, коменданта Зигверта.

Три пары рук одновременно поднялись, и капюшоны, плащей, в ткани которых воды уже

давно было больше, чем во всем окружающем воздухе, тяжело опустились на плечи. Ни на лицах гостей, цветом напоминавших серое тяжелое небо, ни в их черных глазах, не было ни единой эмоции.

— Если это так, то вы знаете, что должны сделать, — с мягким акцентом произнес один из них, в промокших волосах которого виднелись белые пряди.

Всадник протянул вперед руку в перчатке. На его ладони лежал тонкий предмет, очень напоминавший обычную заколку с витиеватым, сложным узором.

— Мне нужно показать вам это.

Санорра не двинулись с места.

— Откройте лицо, — ровным голосом произнесла девушка с белоснежными волосами, справа от седого. По ее лицу струями бежала вода, но она не обращала на нее никакого внимания.

Всадник усмехнулся и потянул за завязки плаща.

— А гельдам этого бы не потребовалось...

— Тогда вам следовало просить о помощи гельдов, — заметил черноволосый слева.

Всадник хмыкнул, затем, ослабив завязки, сбросил с головы капюшон. Полыхнули огнем освобожденные из под плаща ярко-рыжие волосы, тусклый свет, упал на на красную кожу и неярко блеснул в глазах, цвета яркого осеннего меда. В усмешке блеснули ровные крепкие зубы с чуть удлиненными, как у всех раг`эщ, клыками.

— Достаточно?

Санорра к открытой насмешке, прозвучавшей в вопросе, остались безучастными.

— Да, достаточно, — снова ответил тот, что с седыми прядями. — Как мы можем увидеть коменданта?

— Поскольку я жду вас тут уже четвертый день, то для начала, я хотела бы немного обсохнуть, — рыжеволосая снова набросила на голову капюшон и потянула поводья. — Да и вам, в общем, не помешало бы. Едемте, Эльдрик ждет. Вечером он вас примет.

— Кин Зи, Мэй Си и Тэй Зи... — Эльдрик Скелл, задернул шторы и указал санорра на кресла у стола: — Садитесь. Хиетт, подвинь себе стул, не стой в дверях, как бедная родственница.

Он тоже сел, и снова оглядел по очереди своих гостей.

— Как вам ужин?

— Все было прекрасно приготовлено. У вас очень хорошие повара.

— И именно из уважения к их работе вы ничего и не съели... Я так и подумал.

Санорра за ужином действительно ни к чему не притронулись, несмотря на уговоры жены коменданта и его дочери. Когда Эльдрик произнес тост за хозяйку дома, все трое подняли свои бокалы и слегка отпили из них, и больше ни разу к ним не прикоснулись.

Скелл откинулся на спинку своего кресла и сложил руки на груди.

— Давайте честно? — предложил он. — Позвать вас — не моя идея. Но Хиетт не дает мне прохода и дай ей волю — скоро и под одеяло к нам с Сигилль залезет с проверками. Стоило мне простудиться и завести привычку дремать после обеда, как она решила, что кто-то пытается медленно свести меня в могилу.

— Комендант Скелл... — подала голос раг`эше

— Помолчи. Так вот, мне ее страхи надоели настолько, что я разрешил ей поговорить кое с кем в Хейране, в Сером квартале. И они прислали вас. Смотрите, ищите, задавайте вопросы. Дом в вашем распоряжении. А когда вы ничего не найдете, ей придется оставить меня в покое.

В дверь тихонько постучали. В кабинет вошла дочь Эльдрига, Фремм с подносом, уставленным большими бокалами.

— Папа, мама просила принести вам горячий гольд...

— Конечно, родная, проходи, поставь на стол, — улыбнулся Эльдриг — Мама сама тебя попросила?

Фремм вздрогнула и опустила глаза.

— Она разговаривала с Альдом на кухне, он спросил, не желаете ли вы чего-нибудь горячего, и она попросила меня отнести...

— Ты что, не волнуйся так. Поставь на стол... — комендант поднялся со своего кресла, — Вот, хорошо. А теперь иди, я тебя обниму на ночь.

Он поцеловал дочь в лоб и погладил по голове. Когда его пальцы коснулись ее волос, Фремм опустила голову.

— Доброй вам ночи — улыбнулась она всем присутствующим, и вышла, прикрыв за собой дверь.

Скелл вернулся в свое кресло.

— Вот почему вы здесь, — сказал он, кивнув на дверь, в которую только что вышла дочка. — Скрывать не буду, жил я так, что друзей моих по пальцам на одной руке пересчитать можно, а вот врагов накопилось столько, что всех и не упомнишь. А случись что со мной — и до них доберутся. Хиетт у меня восемь лет служит, и я, хоть и огрызаюсь на нее постоянно, но знаю: она не из тех, кто впустую кудахтает с перепугу. Дважды ее чутье меня спасало. Дважды она нас со смертью на узкой дороге в стороны разводила. Поэтому — ищите.

— Но в то, что вас пытаются убить вы, тем не менее, не верите, — заметила Мэй Си. — Даже после двух покушений?

— Я не верю, а она — верит.

Эльдриг потянулся к горячему стакану, попробовал его ладонью, затем, взяв платок, обернул его вокруг и только тогда смог взять его в руки. Осторожно отхлебнул горячий сладковатый напиток.

— В здешних краях народ простой. Захотели бы убить — или камнем бы попытались голову проломить в темноте, как первый раз было, или нож в спину воткнуть, как второй. Граница... я с молодости тут со всякими шайками по лесам разбирался. Много доброжелателей нажил, не скрою, но точно знаю, что на что-то хитрое у них ума не хватит. А нанять тех, кому это по уму — не хватит денег.

— Ваша порученец — раг`эш. Она намного тоньше чувствует любые перемены в вашем здоровье, — сказал Кин Зи. — Вероятно, у нее появились причины, если она так сильно забеспокоилась. Как бы то ни было, не стоит ее игнорировать.

Хиетт с благодарностью посмотрела на него.

— Вот я и не игнорирую, как видите, — Эльдриг отставил в сторону пустой стакан. — Итак... Что вы собираетесь делать?

— Завтра Тэй Зи осмотрит вас...

— Что?!

— Осмотрит. Без свидетелей. Скрытые болезни — самые эффективные и незаметные убийцы. Особенно в ваши годы.

— Ну, спасибо за «старую развалину»...

— Нам же нужно будет осмотреться, — сказала Мэй Си. — Кто-то сможет показать дом?

— Я пойду с вами, — кивнула Хиетт.

— Хорошо, так и договоримся, — согласился Скелл.

Он поднялся, считая разговор оконченным.

— Хиетт, проводи наших гостей. Затем отправляйся спать. Завтра много дел.

— А вы, комендант?

— Я еще побуду здесь. Жаль оставлять прекрасный гольд, к которому вы не притронулись. Ну что же... Говорят, что санорра не спят, но я все равно желаю вам спокойной ночи под крышей моего дома.

Зигверт, выстроенный как укрепление на северной границе Гельдевайн Таррен, для того, чтобы наблюдать за главной дорогой в земли раг`эш, так и не стал большим городом. Гельды сюда ездили не часто: вся большая торговля шла восточнее, через Шагверт, прикрывающий границу с гедарами. У охотников с севера тоже необходимости ходить далеко на юг не было. Так что внешне Зигверт так и остался крепостью, и даже не перерос своих старых стен.

Дома здесь, как и полагается строениям в северном укреплении, строили простые, но теплые, удобные и крепкие, из камня, и толстых бревен. Новые стройки начинались не часто — слишком издалека приходилось везти материалы. Поэтому, возводился ли новый дом, или прокладывалась новая улица, все работы старались делать, если и не на вечные времена, то на ближайшие пару сотен лет уж точно.

В этом смысле дом коменданта, расположенный на небольшой городской площади, отличался от всех остальных зданий лишь парой черт. Во-первых, он был крепостью в крепости: фактически, это было не одно, а несколько отдельных, или соединенных между собой переходами зданий, окруженных отдельной, достаточно высокой стеной, на которой постоянно дежурили часовые местного гарнизона. Второй особенностью дом был обязан своему последнему владельцу — Эльдрику, накрывшему внутренний двор и старые галереи прочным стеклом и при помощи садовников-саллейда устроившему в нем настоящий цветник.

Каждое утро Сигилль, родившаяся у самых границ Южных Лесов, в городке под названием Ольферт, спускалась сюда, чтобы провести хотя бы немного в окружении алых цветов, носивших с ней одно имя. Эльдрик распорядился обустроить здесь небольшую площадку, со скамьями и небольшим столиком, чтобы ее уединение было комфортным.

Но в это утро, уже подходя к площадке, Сигилль внезапно обнаружила, что побыть в одиночестве ей не удастся. На одной из скамеек устроилась Мэй Си — одна из прибывших вчера санорра. Вчера супруга коменданта составила первое, и, надо сказать, не самое лучшее, мнение о гостях, но сейчас подумала, что, пожалуй, поторопилась с выводами.

На самом деле, при свете дня, в сидящей среди цветов девушке, не было ничего ни таинственного, ни зловещего. Разве что необыкновенного цвета кожа и непривычный фасон платья с длинными рукавами, впрочем, нужно признать, очень изящного, особенно для суровой северной погоды, выглядели необычно. Нееобычно — но никак не пугающе. Положив руки в тонких черных перчатках на колени, гостя чуть склонилась к цветам у своего плеча и, закрыв глаза, казалось, наслаждалась их ароматом.

Услышав шаги, Мэй Си обернулась.

— Доброе утро, Сигилль, — она поднялась навстречу. — Я была уверена, что вы обязательно спуститесь сюда. Найдется ли у вас несколько минут? Или мы сможем встретиться в другом месте и в другое время, если сейчас у вас дела?

— Нет, абсолютно никаких дел, — Сигилль поднялась на площадку: — И здесь нам точно никто не помешает. Садитесь, Мэй Си.

Сев напротив, она еще раз бегло осмотрела собеседницу, еще раз удивившись тому, как просто на самом деле она выглядит. Даже волосы уложила так, как это делают гельдские девушки юге. Сигилль даже чуть улыбнулась, вспомнив, сколько времени в юности провела с расческой в руках, стараясь добиться совершенства в этом важном для нее тогда деле.

Пожалуй, она даже была благодарна госте за эти теплые воспоминания.

— Кажется, у вас ко мне не меньше вопросов, чем у меня к вам, — заметила Мэй Си. — Спрашивайте, не стесняйтесь.

— Вы сегодня какая-то... другая. Не такая, как вчера за ужином.

— При свете дня многое выглядит иначе, — улыбнулась санорра.

Сигилль покачала головой.

— Я однажды была в Хейране, в Сером квартале. Видела тех санорра, что там живут. Представить кого-либо из них любующимся моими цветами я не могу.

— Совершенно напрасно, — возразила Мэй Си.

Она подняла руку и поднесла ее к цветку, но не дотронулась до него.

— Спросите у гельда, раг`эш, гедара или саллейда — и каждый вам скажет, что он прекрасен. Но каждый увидит свое. Тот, кто пришел из Центральных Земель, будет любоваться формой лепестков и восхищаться ароматом, тот, в чьем сердце пылает огонь Эшге, будет вдохновлен тонким сочетанием ярких цветов и красок. Саллейда увидит и почувствует хрупкое и нежное создание, нуждающееся в любви и заботе, а гедар, способный один на один встретиться лицом к лицу с любым северным хищником, начнет прятать за спину руки, боясь повредить это тончайшее чудо, которое способна породить земля.

— А вы, Мэй Си? — спросила Сигилль: — Что видите вы?

— Гармонию. Абсолютное равновесие. Мы, санорра, очень остро чувствуем его. Видим его в окружающем мире, и стараемся обрести в собственной жизни. Поэтому можем представить, насколько это сложно.

Она снова повернулась к Сигилль

— К слову, о гармонии... Вчерашняя игра Фремм достойна похвалы. Эйл — сложный инструмент и она прекрасно его освоила.

Эйл — изобретение саллейда. Она состоит из треугольной деревянной рамы, высота которой — почти в рост взрослого мужчины — совершенно не заметна из-за ее изящного изгиба, повторяющего взмах крыла птицы, и натянутых на нее в несколько рядов струн разной толщины. Касаясь струн пальцами с разной силой, салейда научились вплетать в звуки Южных Лесов мелодии невероятной сложности и красоты. На южных границах Гельдевайн Таррен, Эйл часто имелся в состоятельных семьях, и умение играть на нем было признаком особенного положения среди знакомых. Хотя, конечно, простой саллейда в этом искусстве, ни на секунду не напрягшись, с улыбкой оставил бы далеко позади любого виртуоза из Центральных Земель. В заключении вчерашнего ужина, Фремм, дочь Эльдрика, по просьбе матери сыграла для присутствующих несколько мелодий. И это, действительно, было очень красиво.

— О, он уже очень старый! — рассмеялась Сигилль. — Помнит еще мои детские слезы и вечные скандалы с матерью. Сколько я не пыталась научиться, мне удавалось извлечь из него только странные звуки, но никак не музыку. Мы привезли его из Ольферта еще до рождения Фремм. Держали дома, как украшение, пока однажды дочка не услышала случайно, как звучат струны, и буквально загорелась мыслью научиться играть. Эльдрик даже нанял ей учителя — саллейда.

— Это очень заботливо с его стороны.

— Да уж. Он такой... заботливый.

— Ведь этот двор с цветами для вас тоже обустроил он?

— О, да, мы с Фремм... как раз уезжали на несколько дней. Он поехал за нами. И когда

я зашла во двор, который еще недавно видела серым и раскисшим, увидела все эти цветы, то просто расплакалась!

Она оглянулась вокруг, словно оживляла в памяти этот момент. И вдруг услышала:

— Сигилль, что вы чувствуете к своему мужу?

Вопрос был задан мягко, но несколько неожиданно. В удивлении Сигилль взглянула на Мэй Си. Та сидела напротив и не отрываясь смотрела ей прямо в глаза. Что-то в ней изменилось. Этого не было заметно внешне, но женщина почувствовала, словно ее обдало ледяным ветром.

— Что? — в недоумении спросила она.

— Что вы чувствуете к своему мужу?

— Мэй Си, что это за вопрос? — она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла скорее растерянной. — Ну, конечно, я его...

— Сигилль, до этого момента вы мне говорили правду. Сейчас собираетесь солгать. Не нужно.

— Мэй Си...

— Вы давным-давно не делите с Эльдриком ни постель, ни жилье, ни собственную жизнь. Живете не просто в отдельной комнате, а в отдельном доме, практически не встречаетесь с ним и не знаете, что у него происходит. Это очень хорошо было заметно за вчерашним ужином — у вас не было ни одной общей темы для разговора. Вы напрягались всякий раз, когда он начинал говорить. И ничего не пили. А еще вы несколько раз за ночь проверили замки на дверях. Между вами нет не только любви и доверия — вы смертельно его боитесь.

— Я...

— Хуже того, вы заражаете своим страхом и дочь. Ничего не объясняя ей, вы стараетесь оградить ее от общения с отцом, не думая о том, что она не понимает причин вашего поведения. Это уже привело к тому, что она разрывается между внушаемым вами страхом, добротой отца, которую видит, хотите вы того, или нет, и привязанностью к вам обоим. Пока ей удастся сохранять неустойчивое равновесие, но надолго ли? То, от чего вы хотите ее уберечь, по вашему мнению, настолько хуже? Что же это?

— Хватит! — Сигилль рывком поднялась со скамьи. — Ни слова о Фремм! Я готова терпеть вас в этом доме, но не позволю шпионить за нами! И если я хоть раз замечу вашу слежку, или если хоть кто-нибудь из вас троих приблизится к ней или ко мне... только приблизится, не говоря о том, чтобы попытаться заговорить — я найду от вас защиту!

Взмахнув рукой, так резко, что несколько алых цветков полетели на землю, сбитые со стебля, она указала на большой дом:

— Вы меня поняли?! А теперь — убирайтесь отсюда! Лезте куда хотите: в подвал, на чердак, в помойную яму, крысам вроде вас там самое место. Но не в нашу жизнь!

Мэй Си не двинулась с места.

— Хорошо. Тогда уйду я!

Сигилль повернулась спиной. Она уже успела сделать пару быстрых шагов, когда услышала:

— Вы не просто уезжали отсюда с дочерью. Вы бежали вместе с ней. Не помня себя от страха за свою и ее жизнь. Бежали в единственное место, где, как думали, сможете найти помощь и понимание. В Ольферт, к своим родителям.

Сигилль резко остановилась, словно налетев на невидимую стену.

— Вы умоляли их о защите, просили только об одном — позволить укрыться от мужа, который вскоре повсюду начал бы искать вас с дочкой. Они выслушали вас, успокоили и обнадежили. И в тот же день тайно отправили сообщение Эльдрику.

Мэй Си увидела, как кулаки женщины сжались, с такой силой, что побелели пальцы.

— Он приехал через некоторое время. Совсем другой, убитый горем и раскаянием. Стоя на коленях, он молил вас о прощении и заклинал вернуться. Клялся, что прошлое никогда больше не повторится. А когда замолкал он — начинали говорить родители. Вы не рассказали подробностей, поэтому они считали причиной произошедшего обычные житейские неурядицы, которые случаются в молодых семьях. И, в конце концов, вы уступили. Но не потому, что согласились с ними, и не потому, что простили его. Вы просто поняли, что вам больше некуда пойти. Последние, кому вы верили, предали вас.

Сигилль медленно повернулась. Подбородок ее дрожал, а в глазах блестели слезы. На какой-то момент она словно бы вернулась на тринадцать лет назад, снова став той молоденькой отчаявшейся во всем девушкой со спящей дочкой на руках.

— Он обещал, что никогда никому не расскажет об этом... — прошептала она.

— Он сдержал слово.

— Откуда вы знаете все это?

Мэй Си сняла перчатку и, склонившись, подняла с земли оба цветка, случайно сорванные со стебля гневным жестом Сигилль.

— Вернувшись, вы проводили на этой площадке много времени, наедине со своими мыслями и цветами. Порой вы доверяли им все, что скопилось у вас на сердце. Иногда вы разговаривали с ними. А иногда — просто плакали. Вам казалось, что они слушают, и становилось легче.

Разжав ладонь, Мэй Си тихонько подула на нее, сдувая легкую пыль — все, что осталось от еще недавно свежих и ярких лепестков. Затем она снова надела перчатку и посмотрела на все еще стоящую неподвижно Сигилль:

— Вы были правы. Цветы действительно все слышат и помнят. Только они не могут вам помочь. А я — могу. Но для этого мне нужно знать правду. Поэтому я снова спрашиваю вас: что вы чувствуете к своему мужу?

Сигилль проводила глазами серое облачко, растворившееся в воздухе. Затем она вернулась к своему месту, которое оставила минуту назад, и, сев на скамейку, положила руки на стол.

— Хотите знать, что я чувствую к своему мужу? — тихо спросила она. — Я его ненавижу.

[Купить полную версию книги](#)